

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

ДЕЛО ЗАКРЫТО

ОПАСНАЯ ТРОПА

Золотой век английского детектива

Патриция Вентворт

Дело закрыто. Опасная тропа

«Издательство АСТ»

1937,1939

УДК 821.111-312.4

ББК 84(7Вел)-44

Вентворт П.

Дело закрыто. Опасная тропа / П. Вентворт — «Издательство АСТ», 1937,1939 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-132817-7

Джеффри Грей был осужден за убийство богатого дядюшки. Однако кузина его молодой жены, решительная Хилари Кэрю, встречает свидетельницу на процессе, и та дает понять, что беднягу подставили настоящие убийцы. Возможно, свидетельница просто не в себе, в чем уверены все, включая и ее мужа? Но Хилари чувствует: всё далеко не так просто. Она начинает собственное расследование, к которому с удовольствием подключается и мисс Сильвер... Эксцентричный отец Рейчел Трехерн оставил дочери все свое огромное состояние и процветающий бизнес, полностью обойдя в завещании прочих родственников. Разумеется, добром это закончиться не могло — и на Рейчел было совершено покушение. А потом еще одно... Кто же из членов семьи перешел от ненависти и зависти к решительным действиям? И как остановить его, пока не поздно? В опасную игру с убийцей вступает мисс Сильвер...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(7Вел)-44

ISBN 978-5-17-132817-7

© Вентворт П., 1937,1939

© Издательство АСТ, 1937,1939

Содержание

Дело закрыто	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	58
Глава 13	63
Глава 14	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Патриция Вентворт

Дело закрыто

Опасная тропа

Сборник

Patricia Wentworth
The Case is Closed
Lonesome Road

* * *

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Patricia Wentworth, 1937, 1939

© Перевод. Е. Федотова, 2020

© Перевод. Т. Трефилова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

В детективах Патриции Вентворт есть все: увлекательный сюжет, захватывающая интрига и удивительная, типично британская главная героиня – мисс Мод Сильвер, элегантная и слегка эксцентричная пожилая леди. Сама Агата Кристи не раз признавалась: во многом Мод Сильвер стала прототипом легендарной мисс Марпл.

Дело закрыто

Глава 1

Сидя в вагоне набирающего скорость поезда, Хилари Кэрю с горечью думала о Генри. Это он виноват, что она села не в тот поезд, – здесь нет никаких сомнений. Ведь если бы ей не пришлось наблюдать, как он гордо вышагивает по платформе со столь свойственным ему видом человека, заплатившего за интересующую его вещь и желающего немедленно убедиться в том, что ее качество соответствует его ожиданиям, она не утратила бы самообладания и не спряталась бы в первый попавшийся вагон. Вагон был третьего класса в составе, подошедшем к платформе, находящейся справа. Теперь стало очевидно: ей нужно было сесть в поезд, стоявший с другой стороны перрона. Вместо пригородной электрички, следующей в Уинсли-гроув со всеми остановками и прибывающей на станцию Миртл-терис-20 как раз в то время, когда тетушка Эмелин садится пить чай с пирожными, она очутилась в междугороднем поезде, который продолжал набирать скорость и, казалось, собирался следовать без остановок еще несколько часов.

Хилари посмотрела в окно и увидела лицо Генри. Стоял ужасный, сырой и туманный, день. Генри тоже уставился на нее из тумана. Нет, было бы неправильно считать, что он уставился на нее, так как на это способен лишь человек, утративший самообладание, а о Генри такого не скажешь. Он смотрел так, будто видел перед собой ползущего черного таракана или жутко надоедливую ребенка. Разумеется, гораздо лучше, если бы он вышел из себя, но уж таков Генри. Сама Хилари обладала совершенно другим нравом, благодаря которому сразу же оказывалась в самом центре событий. Она покраснела от злости, вспомнив о ссоре – незабываемой ссоре и разрыве помолвки – и об отвратительном спокойствии, с которым вел себя Генри. Он смотрел на нее точно так же, как и сейчас на станции. Самодовольство – вот каково основное качество характера Генри, чертовское самодовольство. Если бы он просто попросил ее отказаться от прогулок с Бэзиллом, она бы, скорее всего, согласилась. Но он приказал ей сделать это, попутно сообщив о различных подробностях жизни Бэзила, которые его совершенно не касались, и это, разумеется, вывело ее из себя.

Но по-настоящему ее приводила в ярость мысль о том, что Генри оказался прав: после ссоры, когда она все же начала встречаться с Бэзиллом, она это поняла, но, к счастью, их отношения не зашли слишком далеко. Правда, к тому времени она уже высказала Генри все, что думала о нем и его собственнических замашках, а в завершение швырнула ему в лицо обручальное кольцо. Хуже не придумаешь.

Если бы в тот момент он рассердился, они могли бы еще уладить ссору, попытавшись понять друг друга и помирившись в порыве взаимной нежности. Но он сохранял спокойствие, ледяное спокойствие, когда она сообщила ему о разрыве помолвки! Неожиданно на ум Хилари пришли неприличные строки. В ней жил настоящий бесенок, который всегда был готов сочинять бессмысленные стишки в самые неподходящие моменты. Из-за него она оказалась в ужасно неловкой ситуации, продекламировав в шестилетнем возрасте четверостишие, посвященные ныне покойной тетушке Арабелле:

У тетушки Арабеллы очень длинный нос,
Но никто не знает,
Почему он рос,
Став длинным и острым, как шип алых роз.

Она не слишком-то любила тетушку Арабеллу, а после этих стихов и тетушка Арабелла перестала питать нежные чувства к своей племяннице.

Теперь бесенок нашептывал ей такие строки:

Если бы Генри умел сердиться,
Вам бы совсем не пришлось расходиться.

И это была правда.

Помолвка была разорвана месяц назад.

Очень трудно продолжать сердиться по прошествии целого месяца. Хилари легко могла вспылить, но не была мстительной и злопамятной. Уже спустя две недели она задумалась о том, что Генри пора бы написать ей письмо с извинениями. Через три недели она стала сама ходить за почтой. А в последние несколько дней мысли о холодном и безрадостном будущем без Генри начали терзать ее душу. Неудивительно, что любая мелочь сейчас могла вывести ее из себя.

А затем воображение сыграло с ней поистине злую шутку. Глаза Генри, смотревшие на нее из тумана и проникавшие в душу, утратили презрительное и высокомерное выражение. Они изменились, засветившись радостью и любовью. Но они никогда больше не будут так смотреть на нее, никогда. О, Генри! Она почувствовала, будто кто-то вонзил ей нож в сердце. Такая сильная боль. Только что она сердилась на Генри и вот теперь чувствовала себя слабой и беззащитной. Гнев исчез, оставив место холодному неприятному осадку в душе. В глазах предательски зашипало. «Ты ведь не собираешься расплакаться в вагоне поезда?»

Она закрыла глаза и отвернулась от окна. Лучше туда больше не смотреть. Туман способен на самые подлые шутки, он может напомнить о твоём одиночестве, о том, чего вовсе не следует вспоминать. Нельзя поддаваться на эти дурацкие уловки, прежде всего нужно выяснить, куда направляется этот ужасный поезд и когда будет следующая остановка.

Кроме нее, в купе находились еще два человека. Они занимали внутренние угловые сиденья и интересовали ее не больше, чем пара дорожных чемоданов. Обернувшись, она увидела, что один из пассажиров, мужчина, открыл раздвижную дверь, чтобы выйти в коридор. Как только он исчез из виду, сидевшая напротив него женщина сразу же пересела к ней на скамью и, немного наклонившись вперед, стала внимательно рассматривать Хилари. Это была пожилая женщина, и Хилари показалось, что у нее весьма болезненный вид. Она была в черной фетровой шляпе и сером пальто с темным меховым воротником – аккуратная неприметная одежда почтенной женщины, переставшей беспокоиться о своей внешности, но сохранившей стремление к опрятности благодаря привычке и воспитанию. Под темными полями шляпы ее волосы, лицо и глаза имели одинаковый сероватый оттенок.

Хилари сказала:

– Я села не в тот поезд. Это звучит довольно глупо, но не могли бы вы сообщить мне, куда он идет, – я не имею об этом ни малейшего представления.

– Ледлингтон, – ответила женщина, – первая остановка Ледлингтон. – А затем добавила прерывающимся голосом: – О, мисс, я сразу же вас узнала. Слава богу, он не догадался! Но он вернется с минуты на минуту, он ни за что бы не ушел, если бы узнал вас. О, мисс!

Хилари ощутила нечто среднее между жалостью и отвращением. Она никогда раньше не встречала эту женщину. Или встречала? Она не знала. Она подумала, что, возможно, видела ее, но никак не могла вспомнить, где именно. Нет, это ерунда, она не знакома с этой женщиной; должно быть, эта несчастная сошла с ума. Ей захотелось, чтобы мужчина поскорее вернулся; ведь если перед ней действительно сумасшедшая, то Хилари оказалась отрезана от выхода, так как женщина сидела между ней и коридором.

– Боюсь... – начала она тихим вежливым голосом, однако женщина сразу же прервала ее, вновь подавшись вперед:

– О, мисс, вы меня не знаете, я заметила, как вы смотрели на меня. Но я узнала вас, как только вы вошли в купе, и я молилась о том, чтобы мне выпал случай поговорить с вами.

Кисти ее рук в черных лайковых перчатках были сжаты. Кожа туго обтягивала суставы, но кончики необычайно длинных пальцев оставались разогнуты. Пальцы нервно подергивались, сгибаясь и разгибаясь. Их непрерывное движение вызывало у Хилари настоящий ужас. Ей казалось, все тело женщины напряжено от боли.

Она тихо произнесла:

– Пожалуйста...

Голос женщины стал тихим и безучастным. Покашливая и запинаясь от волнения, она настойчиво продолжила:

– Я видела вас в суде, когда слушалось дело. Вы сопровождали миссис Грей. Я спросила, кто вы, и мне сказали, что вы ее двоюродная сестра, мисс Кэрю, а затем вспомнила: я уже слышала о вас, мисс Хилари Кэрю.

Страх прошел, но вместо него Хилари ощутила волну ярости. Неужели не достаточно испытаний выпало на ее долю во время кошмарного судебного процесса над Джефффри Греем? Эта женщина была одной из зевак, привлеченных его страданиями и мучениями Мэрион. И эта отвратительная женщина решила, что напоминание об их предыдущей встрече поможет ей удовлетворить любопытство, вынюхивая и задавая нескромные вопросы. Да как она смеет?

Она даже не подозревала, как сильно побледнела и как засверкали ее глаза, но женщина вдруг разжала свои скрюченные пальцы и умоляюще подняла руки вверх, будто стремясь остановить взрыв негодования.

– О, мисс, не нужно! О, ради бога, не смотрите на меня так!

Хилари встала. Ей нужно перейти в другое купе. Если эта женщина и не сумасшедшая, то наверняка истеричка. Ей совершенно не хотелось проходить мимо нее, но это в любом случае гораздо лучше, чем стать участницей неприятной сцены.

Но как только она взялась за ручку раздвижной двери, женщина цепко схватила ее за юбку.

– О, мисс, я всего лишь хотела спросить вас о миссис Грей. Я подумала, что вы знаете.

Хилари вновь посмотрела на женщину. Взгляд прозрачных бесцветных глаз был устремлен ей в лицо. Рука, державшая подол юбки, тряслась так, что Хилари чувствовала эту дрожь. Она испытывала непреодолимое желание убежать. Но здесь скрывалось нечто большее, чем просто любопытство. Хотя ей было всего двадцать два, она знала, как выглядят люди, попавшие в беду, она поняла это во время суда над Джефффри Греем. Эта женщина была в беде. Опустив руку, она спросила:

– Что вы хотите знать о миссис Грей?

Моментально разжав пальцы, женщина опять села на скамью. Сделав над собой невероятное усилие, она постаралась придать своему голосу более спокойное, будничное выражение.

– Мне лишь хотелось узнать, как она. Как она держится. Не ради любопытства, мисс. Наверняка она помнит меня, а я все время думаю о ней. О господи, как часто по ночам я не могу уснуть при мысли о ней!

Чувство самоконтроля опять было утеряно. Дрожа и всхлипывая, она снова наклонилась вперед.

– О, мисс, если бы вы только знали!

Хилари опустила на сиденье. Если эта бедняжка хотела узнать о том, как дела у Мэрион, она не видела причины отказать ей в этой просьбе. У этой женщины такой болезненный вид. Несомненно, она страдает от сильного душевного расстройства.

Очень мягко она произнесла:

– Простите, что я рассердилась. Мне показалось, вы одна из тех, кто любит поглазеть на чужие несчастья, но если вы знали Мэрион, это совершенно меняет дело. Она... она держалась чертовски храбро.

– Мне было нелегко видеть ее такой, поверьте, мисс. В последний день мне стало совсем тяжело, по-настоящему тяжело. И я попыталась встретиться с ней. Мисс, я говорю чистую правду, я действительно хотела с ней увидеться. Я ускользнула от него, чтобы найти возможность встретиться с ней где-нибудь поблизости, там, где она находилась, но мне не разрешили, мне сказали, что она никого не хочет видеть, она отдыхает.

Внезапно она замолчала, застыв на мгновение с полуоткрытым ртом и почти не дыша. Затем произнесла шепотом, едва шевеля губами: «Если бы она только встретилась со мной». Она подняла свои прозрачные испуганные глаза на Хилари и снова быстро залепетала, дрожа от ужаса:

– Мы не встретились. Отдыхает – вот что мне сказали. А потом он вернулся, и у меня больше не было такой возможности, он об этом позаботился.

Хилари не поняла ни слова из сказанного, но у нее вдруг возникло ощущение – она не случайно оказалась в этом поезде. С той же мягкостью в голосе, что и прежде, она спросила:

– Вы скажете мне свое имя? Миссис Грей будет рада узнать, что вы осведомлялись о ее самочувствии.

Одной рукой в черной перчатке женщина схватилась за голову.

– Я забыла, вы меня не знаете. Это потому, что я позволила себе увлечься. Мне не следовало так вести себя, но когда я вас увидела, то не смогла удержаться. Я всегда питала симпатию к миссис Грей, и мне давно хотелось узнать, как у нее дела, и о ребенке тоже. С ним все в порядке, не так ли?

Хилари опустила голову. Бедная Мэрион и ее так и не выживший ребенок.

– Нет, – ответила она. – Она потеряла ребенка. Роды начались слишком рано, и ребенок погиб.

Руки в перчатках снова напряженно сомкнулись.

– Я не знала. Рядом не было никого, кто мог бы мне сказать.

– Вы так и не сказали своего имени.

– Нет, – ответила она и быстро вздохнула. – Ах, он сейчас вернется! О, мисс... мистер Джеффри... есть ли от него какие-нибудь известия?

– С ним все в порядке, – ответила Хилари. – Он пишет нам, когда у него появляется такая возможность. Она навещала его сегодня. Я узнаю подробности после возвращения домой.

Отвечая на этот вопрос, Хилари отвела взгляд и прекратила свои попытки вспомнить имя женщины. Ее глаза заблестели, а сердце наполнилось такой болью, что в нем не осталось места для других вопросов и переживаний. Джеффри получил пожизненный срок, и сегодня Мэрион снова пришлось пройти через эту ужасную процедуру посещения, которая раз за разом лишает ее остатков силы и мужества... Она этого не вынесет. Джеффри, всегда такой жизнерадостный, и Мэрион, которая любит его, но по-прежнему вынуждена жить среди тех, кто считает его убийцей, которого нужно запрятать подальше от людей... Что толку говорить себе: «Я этого не вынесу», – если все продолжается и будет продолжаться, и здесь уже ничего нельзя сделать, как бы тебе этого ни хотелось?

Открыв раздвижную дверь, из коридора вошел мужчина. Хилари поднялась, и он посторонился, чтобы дать ей выйти. Она прошла как можно дальше по коридору и встала у окна, молча глядя на проносившиеся мимо деревья, поля и изгороди.

Глава 2

– Ты выглядишь ужасно уставшей, – сказала Хилари.

– Неужели? – ответила Мэрион Грей тоном, в котором сквозило безразличие.

– Да-да, и замерзшей. Суп сегодня очень вкусный, честное слово. Он был похож на желе, пока я не разогрела его, но если ты не съешь его прямо сейчас, он быстро остынет, а теплая еда становится отвратительной на вкус.

Голос Хилари был мягким, но настойчивым.

Дрожа, Мэрион сделала один или два глотка, а затем отложила ложку. Она как будто на мгновение очнулась от своих раздумий, а потом погрузилась в них снова. Мэрион не успела раздеться – на ней по-прежнему было коричневое твидовое пальто, составлявшее часть ее приданого, и коричневый шерстяной берет, связанный тетушкой Эммелин. Несмотря на довольно потрепанный вид, пальто не испортило впечатление от высокой, изящной фигуры Мэрион. Она была очень, даже слишком худой, но если бы от нее остались только кожа и кости, она все равно не утратила бы своей привлекательности и изящества. Темные, влажные от тумана волосы, сдвинутый назад берет и взгляд серых глаз, затянутых дымкой печали и усталости, придавали ее облику исключительность, подчеркивавшую ее красоту.

– Доедай суп, дорогая, – сказала Хилари.

Мэрион сделала еще несколько глотков. Суп согрел ее. Закончив есть, она откинулась назад. Хилари была добрым человеком, в ожидании сестры она растопила камин, приготовила горячий суп и омлет. Мэрион съела омлет, так как надо поддерживать силы, и, кроме того, Хилари очень старалась, поэтому огорчать ее отказом не хотелось.

– Вода нагрелась, дорогая. Ты можешь принять горячую ванну и поспать, если хочешь.

– Чуть позже, – ответила Мэрион. Забравшись в кресло с ситцевой обивкой, она молча смотрела на крошечные, едва мигающие языки пламени.

Хилари мыла посуду, суетясь в гостиной и в маленькой кухоньке. Яркие ситцевые занавески закрывали окна. На каминной полке поблескивал ряд китайских фарфоровых птичек – голубая, зеленая, желтая, коричневая и розовая с большим клювом, которую Джефф называл Софи. У них у всех были имена. Джефф всегда давал имя каждой вещи, которую покупал. Его последняя машина называлась Самюэль, а среди птичек были Октавий, Леонора, Эрменгард, София и Эразм.

Хилари вернулась в комнату с подносом.

– Выпьешь чаю сейчас или позже, когда пойдешь спать?

Мэрион вздрогнула, будто очнувшись.

– Позже. Ты столько для меня делаешь.

Хилари облегченно вздохнула. Это значит, Мэрион приходит в себя. Очень трудно бывало достучаться до нее, пока она находилась в состоянии глубокого горя и отчаяния. Можно было только ходить вокруг на цыпочках, ободряя ее, готовя еду и оказывая всевозможную поддержку. Но если ей станет лучше, она сможет разговаривать, а это пойдет ей только на пользу. Щеки Хилари немного порозовели, а в глазах заблестели искры надежды. Она принадлежала к тем людям, чье выражение лица постоянно менялось. Еще минуту назад она выглядела бледной и несчастной замухрышкой с глазами одинокого ребенка, который изо всех сил старается быть храбрым и хорошо себя вести. Она ответила:

– Мне нравится этим заниматься, ведь ты это знаешь.

Мэрион улыбнулась.

– А как ты сама? Навещала тетушку Эммелин?

– Нет, не смогла. Я уже поехала, но так и не добралась до нее. Дорогая, я такая дурочка. Села не в тот поезд, а это оказался экспресс, и мне удалось выйти лишь в Ледлингтоне. А потом

я потратила несколько часов, чтобы вернуться, и не рискнула снова отправиться в Уинсли-гроув, боясь, что не успею домой к твоему возвращению.

– Милое дитя, – произнесла Мэрион, снова погрузившись в свои мысли. И добавила: – Тетушка Эммелин будет сердиться.

– Я позвоню ей.

Хилари уселась на коврик перед камином, обхватив руками колени. У нее были короткие каштановые волосы с непослушными кудряшками. Ее фигура выглядела по-детски легкой и худощавой. Руки, обнимавшие колени, – маленькие, но сильные и умелые. Алые губы – изогнутой формы и слегка припухлые. Смуглая кожа, маленький, как у ребенка, нос и яркие глаза, цвет которых сложно определить. Когда она казалась взволнованной, счастливой или рассерженной, смуглая кожа приобретала розоватый оттенок. У нее был красивый голос и изящный поворот головы. Милый ребенок с отзывчивым сердцем и горячим нравом. Она бы позволила убить себя ради Мэрион Грей, а к Джеффри относилась как к брату, хотя у нее никогда не было братьев. Она решила отвлечь Мэрион от грустных мыслей с помощью беседы.

– В поезде со мной случилась неприятная история. Сначала я подумала, что столкнулась с сумасшедшей истеричкой, но потом выяснилось – она твоя знакомая, дорогая.

Мэрион улыбнулась, и Хилари возликовала. Ей становится лучше, на самом деле лучше. Она продолжила рассказ о своем удивительном приключении, стараясь сделать его как можно более захватывающим.

– Знаешь, я ведь оказалась в этом поезде, потому что столкнулась с Генри...

– Ах, – сказала Мэрион.

Хилари энергично кивнула.

– Он выглядел так, будто в нем одиннадцать футов росту и он слишком занят, чтобы снизить до беседы. Уверена, он недавно виделся со своей матерью, и она говорила с ним о том, какой угрозы ему удалось избежать и как она была права, с самого начала утверждая, что я неподходящая для него партия и никогда не смогла бы стать для него такой же женой, какой она была для его отца.

Мэрион неодобрительно покачала головой. Хилари изменила выражение лица и поспешно продолжила:

– При мысли о том, что миссис Каннингем могла бы стать моей свекровью, у меня мурашки бегут по спине. Слава богу, я свободна! Уверена, это мой ангел-хранитель устроил нашу ссору, чтобы спасти меня.

Мэрион вновь покачала головой:

– Не думаю, будто Генри хотел, чтобы ты стала похожа на его мать.

Хилари сильно покраснела и вздернула подбородок.

– Не хотел? – ответила она. – Что значит «не хотел»? Между нами совершенно ничего нет, все кончено, и мне абсолютно безразлично, чего он хотел или не хотел. А ты сбиваешь меня с толку и не даешь рассказать о том забавном приключении, которое случилось со мной в поезде. Единственная причина, по которой я вообще упомянула о Генри, – это мой открытый и непосредственный характер, благодаря которому я решила объяснить тебе, почему ошиблась поездом и не заметила этого, пока он не отошел от перрона. А потом выяснилось, что поезд, в который я села, – междугородний, и я почувствовала себя совершеннейшей дурочкой. Но когда я спросила женщину, сидевшую в углу купе, куда он направляется, она сначала назвала Ледлингтон, а потом, всплеснув руками, сказала, что узнала меня в ту самую минуту, как я вошла в купе.

– Кто же она?

– Дорогая, я не знаю. Но возможно, ты догадаешься, поскольку она спрашивала, как у тебя дела. Я сначала решила, что ею движет простое любопытство, так как она сказала, что видела меня с тобой в суде – наверно, в тот день, когда у тетушки Эммелин сдали нервы; это

был единственный раз, когда я там оказалась. Разумеется, сначала я вспылила и встала, чтобы выйти и пересест в другое купе, – такие негодяи выводят меня из себя, – но потом поняла: ею руководили совсем другие чувства.

– Как? – Голос Мэрион звучал напряженно.

– Она схватила меня за юбку, и я почувствовала, как она дрожит. Она выглядела несчастной и отчаявшейся. В ней не было ни капли злорадства. Она сказала, что лишь хотела узнать, как ты поживаешь, поскольку ты ей всегда нравилась, ну и тому подобное.

Хилари довольно поздно поняла, что было бы лучше в своем рассказе сосредоточиться на встрече с Генри. Вот уже во второй раз ей удалось добиться желаемого результата. Она не рассчитывала рассказом о случившемся вывести Мэрион из состояния апатии, но теперь ей пришлось продолжить, так как Мэрион во что бы то ни стало захотела выяснить имя той женщины.

– Не знаю, дорогая; я же тебе сказала, что незнакома с ней. Мне действительно показалось, что она слегка не в себе, ее речь была весьма необычной. Ее сопровождал мужчина. Он вышел в коридор почти сразу же, как я вошла в купе, после встречи с Генри, ты понимаешь. И она очень странно о нем отзывалась, благодарила Бога, что он ушел, так как ей нужно было обязательно поговорить со мной. Она очень волновалась, сжимала руки и хваталась за воротник, будто ей становилось тяжело дышать.

– Как она выглядела? – негромко спросила Мэрион. Она положила голову на руки, и ее длинные пальцы закрыли глаза.

– Ну, она похожа на миссис Тидмарш. Помнишь, она приходит к тетушке Эммелин, когда у Элизы выходной. Не совсем, конечно, но какое-то сходство между ними есть: этот болезненный вид и внешняя респектабельность. И она все время называла меня «мисс». Я знаю, миссис Тидмарш употребляет это обращение дважды в каждом предложении, и мне кажется, эта бедняжка делает точно так же.

– Средних лет?

– Примерно. Помнишь миссис Тидмарш, ее невозможно представить ребенком или молодой девушкой. Она такая же, как и ее одежда: никогда не снашивается, – поэтому сложно вообразить, что когда-то она была новой.

– Я думаю, это не важно, – сказала Мэрион. Помолчав, она добавила: – И что же она хотела узнать?

– О тебе. Как ты. Все ли у тебя в порядке. А... а еще про Джеффа. – Хилари остановилась. – Мэрион, она сообщила мне одну очень странную вещь. Не знаю, должна ли я...

– Да, расскажи мне.

Хилари взглянула на нее с сомнением. Худшее, что бывает, когда садишься не в тот поезд, – это никогда не знаешь, куда он тебя привезет.

– Знаешь, я думаю, она на самом деле слегка не в себе. Она говорила, что пыталась встретиться с тобой во время судебного процесса. Ей удалось ускользнуть от него, чтобы поговорить с тобой, но когда она пришла, ей не позволили войти. А потом она сказала что-то вроде: «Если бы я только встретила с ней». Почти шепотом, я не расслышала толком, так как она была сильно взволнована и дрожала, но мне показалось именно это. Нет, вот как было. «Мне не удалось встретиться с ней», – а потом: «Если бы у меня получилось», – или что-то в этом роде. Она была очень возбуждена, поэтому я ни в чем не уверена.

Голос Хилари стал прерывистым и приглушенным. Происходило нечто странное. И это было связано с Мэрион, которая не двигалась и продолжала молчать. Она сидела, закрыв лицо руками, и исходившее от нее ощущение нереальности наполняло комнату.

Хилари терпела сколько могла. Наконец она разомкнула руки и положила их на колени Мэрион, и в этот самый момент та встала и подошла к окну. Там стоял дубовый сундук, заменявший диван, на нем были беспорядочно набросаны зеленые и голубые подушки. Скинув их

на пол, Мэрион открыла сундук и вернулась, держа в руках фотоальбом. Не говоря ни слова, она села в кресло и стала перелистывать страницы.

Вскоре она нашла то, что искала, и протянула альбом Хилари, чтобы та взглянула. На одной из страниц был снимок, сделанный в саду. Розовая арка, клумба лилий с выгнутыми лепестками, чайный столик, люди пьют чай. Улыбающаяся Мэрион и пожилой мужчина с пышными усами.

Хилари никогда не встречалась с Джеймсом Эвертоном, но каждая черточка его лица была ей до боли знакома. Его фото печаталось во всех английских газетах год назад, когда Джеффри Грея арестовали за его убийство.

Джеффри не было на фотографии, так как он выступал в роли фотографа, и, конечно, именно ему так счастливо улыбалась Мэрион. Но там был еще один персонаж, женщина, наклонившаяся над чайным столиком с подносом пшеничных лепешек. Она смотрела в объектив фотоаппарата вместе с Мэрион, держа поднос в правой руке, и выглядела так, будто кто-то говорил с ней или окликнул ее по имени.

Задыхаясь от волнения, Хилари произнесла:

– Да, это она!

Глава 3

Наступила пауза. Хилари смотрела на фотографию, а Мэрион смотрела на Хилари с едва заметной горькой усмешкой.

– Это миссис Мерсер, – произнесла она, – экономка Джеймса.

Она снова взяла альбом и, не закрывая, положила себе на колени.

– Джеффри мог бы избежать приговора, если бы не она. Ее свидетельские показания оказались решающими. Знаешь, она плакала на протяжении всего допроса, и, конечно, это произвело сильное впечатление на присяжных. Если бы она выглядела так, будто ею руководит чувство мести или гнева, это не повредило бы Джеффу, но когда, рыдая, поклялась, что слышала его ссору с Джеймсом насчет завещания, она фактически вынесла ему приговор. Если и была хоть малейшая вероятность убедить присяжных в том, что он всего лишь нашел Джеймса мертвым, она уничтожила ее.

Голос Мэрион задрожал от волнения. Минуту спустя она с удивлением добавила:

– Она всегда мне казалась очень доброй женщиной. От нее я получила рецепт этих пшеничных лепешек. Я думала, что нравлюсь ей.

Хилари присела на корточки.

– Она и мне сказала, что ты всегда ей нравилась.

– Тогда почему она так поступила с нами? Почему? Я чувствовала себя обманутой дурочкой, пытаюсь хоть на секунду вообразить причину, побудившую ее это сделать.

– Вот именно, почему? – сказала Хилари.

– Она лгала. Но почему она лгала? Она с симпатией относилась к Джеффу. Во время допроса она выглядела так, будто находилась под пыткой. Именно поэтому ее выступление произвело такое ужасающее впечатление. Но зачем она вообще свидетельствовала против него? Вот чего я не могу понять, вот какой вопрос мучает меня. Джеймс был уже мертв, когда туда пришел Джефф. Мы столько раз говорили об этом. Джеймс позвонил ему в восемь вечера. Мы закончили обедать, и он сразу же отправился к нему – ах, ты слышала это уже миллион раз, но главное, что это правда. Джеймс действительно звонил ему. И он действительно отправился в Патни, как и утверждал во время допроса. Он был там. Повесив трубку, он сказал: «Джеймс немедленно хочет меня видеть. Похоже, он сильно встревожен». Он поцеловал меня и сбежал вниз по лестнице. А когда добрался туда, Джеймс был уже мертв – лежал на письменном столе, а рядом с ним валялся пистолет. И Джефф поднял его. Ах, зачем он это сделал! Он сказал, что не осознавал происходящего, и понял все, только когда пистолет оказался в его руке. Он вошел со стороны сада и не видел никого, кроме Джеймса, а Джеймс был мертв, рядом лежал пистолет, и он поднял его. А затем в дверь постучал мистер Мерсер, но дверь оказалась заперта. Хилари, кто закрыл ее? Она была заперта изнутри, и ключ торчал в замке, но на ключе и на дверной ручке обнаружили только отпечатки пальцев Джеффа, поскольку он подошел и попытался открыть дверь, когда постучал мистер Мерсер. Он повернул ключ, чтобы впустить его, а там стояли мистер и миссис Мерсер, и мистер Мерсер воскликнул: «О господи, мистер Джефф! Что вы наделали!»

– Не надо, – произнесла Хилари. – Не нужно вновь переживать это, дорогая, это ничего не изменит.

– Ты думаешь, я бы сидела здесь и говорила все это, если бы могла сделать хоть что-нибудь еще? – Голос Мэрион звучал тихо и вымученно. – Мистер Мерсер сказал, что он ничего не слышал, кроме звука лопнувшей шины или выхлопа от мотоцикла, как ему показалось, за минуту до случившегося. В буфетной он чистил хрусталь и серебро. И это подтвердилось: кругом были разложены чистящие средства, следы которых нашли у него на руках. А миссис Мерсер была наверху, готовила постель для Джеймса, и она сказала, что, когда проходила через

гостиную, слышала, как в кабинете кто-то громко кричал. Она подошла к двери, чтобы послушать, так как испугалась, а потом поклялась, что это Джеффри ругался с Джеймсом. И она заявила, будто, услышав выстрел, закричала и побежала за мистером Мерсером.

Мэрион встала, и фотоальбом упал к ногам Хилари. Резким, но изящным движением Мэрион отодвинула назад кресло и начала ходить по комнате. Она так побледнела, что Хилари испугалась. Выражение усталости сменилось гримасой непрекращающейся боли.

– Я повторяла себе это снова, снова и снова. Я рассказывала это так часто, что могу сделать это и во сне, но ничего невозможно изменить. Ничто уже не поможет. Все было ясно уже в суде, простая формальность, всего лишь слова. Жизнь Джеффа загубили слезы и клятвы этой женщины и отсутствие какой-либо причины, мотива – иного мотива для убийства Джеймса. Только у Джеффа был мотив, если предположить, что он потерял голову и сделал это в припадке ярости, когда Джеймс сообщил ему о новом завещании, в котором Джефф не упоминался. Хилари, он не делал этого, не делал! Клянусь, что не делал! Они много раз говорили о его вспыльчивости, но я уверена: он не виноват! Джеймс воспитал его и считал своим наследником, он не имел права так поступать. Он не имел права приглашать его в свой офис и обещать сделать своим партнером, а потом как ни в чем не бывало отказаться от своих слов. Но Джефф и пальцем бы его не тронул, я в этом уверена. Он даже ударить его не смог бы, не то что застрелить.

Она замедлила шаг и остановилась у окна спиной к комнате, замолчав на мгновение. Потом добавила:

– Это невозможно. Разве только в кошмарном сне. Но этот кошмар длится уже очень долго, и я чувствую, что начинаю понемногу и сама верить в это.

– Нет! – сказала Хилари, всхлипнув.

Мэрион повернулась.

– Почему Джеймс уничтожил свое завещание и сделал новое? Почему он оставил все Берти Эвертону? Он никогда и слова-то доброго о нем не сказал, он ведь так любил Джеффа. Они были вместе за день до случившегося. Между ними не происходило никаких ссор, ничего такого. А на следующий день он уничтожил свое завещание, сделал новое, а в восемь часов позвал Джеффа, и Джефф нашел его мертвым.

– Не думай об этом, – сказала Хилари.

– Но мне ничего больше не остается. Боюсь, я сойду с ума от этих мыслей.

Хилари была сильно взволнована. Она почти год жила вместе с Мэрион, но никогда, никогда, никогда прежде Мэрион не обсуждала происшедшее. Она хранила эту ужасную тайну в глубине своего сердца, не забывая о ней даже во сне, но никогда, никогда, никогда не заводила разговор на эту тему.

Однако Хилари не оставалась безучастной; ее обуревали собственные мысли и догадки по поводу случившегося. Она была уверена, что, если Мэрион заговорит об этом, раскроет свое сердце, избавится от страхов и прислушается к советам Хилари, они вместе смогут докопаться до какого-нибудь факта, которому до сих пор никто не придавал особого значения, но который способен пролить свет на ситуацию.

– Нет-нет, дорогая, послушай. Мэрион, пожалуйста. Ты не думаешь, что кто-то подделал завещание?

Мэрион остановилась у сундука, повернувшись вполборота к Хилари. Она попыталась засмеяться, но смех получился похожим на рыдание.

– Ах, Хилари, ты настоящий ребенок! Неужели ты полагаешь, что об этом никто не задумывался? Неужели ты считаешь, что полиция не рассматривала все возможные варианты? Он был в банке, и его новое завещание засвидетельствовано управляющим и одним из клерков.

– Почему? – спросила Хилари. – Почему он не попросил об этом Мерсеров? Обычно человек не ходит в банк, чтобы подписать свое завещание.

– Не знаю, – устало ответила Мэрион. – Но он сделал это. Мерсеры не могли поставить свою подпись, так как сами находились в числе наследников. Джеймс послал за своим адвокатом и уничтожил старое завещание в его присутствии. Затем попросил его составить новое, и они вместе отправились в банк, где Джеймс подписал все документы.

– А где находился Берти Эвертон? – спросила Хилари.

– В Эдинбурге. Он уехал ночным поездом.

– Значит, он был здесь накануне?

– О да, он ездил в Патни, видел Джеймса и даже обедал с ним. Но это ничего не меняет, а только подтверждает, что он сделал или сказал нечто такое, что заставило Джеймса изменить свое мнение и завещание. Джеймс никогда не любил Берти, но за эти полтора часа произошло какое-то событие, которое повлияло на Джеймса, и он решил оставить ему все вплоть до последнего пенни. В старом завещании мне полагалась тысяча фунтов, но он вычеркнул и этот пункт. Брат Берти, Фрэнк, он всегда находился у Джеймса на содержании и не умеет зарабатывать себе на жизнь, тоже оказался вычеркнутым из списка наследников. А в старом завещании ему предусматривалось пожизненное пособие. Он, конечно, непутевый человек, перекаати-поле, но такой же племянник Джеймса, как Берти или Джефф, и Джеймс всегда говорил, что позаботится о нем. Джеймс считал его дурачком, но не испытывал к нему такой неприязни, как к Берти. Он ненавидел Берти, но оставил ему все свое состояние.

Хилари уперлась руками в пол.

– Почему он ненавидел его? Что не так с Берти?

Мэрион пожала плечами:

– Ничего. Вот это и раздражало Джеймса. Он частенько говаривал, что Берти не сделал ни одного полезного дела в жизни, да и не пытался даже. Знаешь, у него есть немного денег, и он просто плывет по течению: собирает китайский фарфор, играет на фортепиано, ходит на танцы с девушками и мило беседует с их матерями и тетушками. И он никогда не принимает участия в мужских беседах. А когда Джеймс услышал, что он вышивает чехлы на кресла из гарнитура Людовика XV, которые ему посчастливилось купить по случаю, честно говоря, мы с Джеффом думали, его хватит удар.

– Мэрион, откуда тебе известно, что этот Берти действительно находился в Шотландии, когда умер Джеймс?

– Он уехал ночным поездом. Остановился в гостинице «Шотландия» в Эдинбурге. Он приезжал к Джеймсу, никто не знает зачем, встретился с ним и уехал обратно. Официант подтвердил, что он завтракал и обедал в гостинице, после обеда пожаловался на неработающую кнопку вызова в его номере, а в четыре часа осведомлялся о важном телефонном звонке, которого ждал.

Она подняла руку и уронила ее на крышку сундука.

– Как видишь, он не мог оказаться в Патни. Джеймс был убит в четверть девятого. И потом... Берти... если бы ты знала его...

– А что насчет другого, – спросила Хилари, – Фрэнка, этого перекаати-поля и недотепы?

– Боюсь, он тоже не подходит, – ответила Мэрион. – Фрэнк был в Глазго. У него самое надежное алиби, поскольку как раз около шести часов он получил причитающееся ему пособие. Джеймс каждую неделю передавал ему деньги через своего адвоката в Глазго, так как Фрэнк понятия не имеет о бережливости, о какой бы сумме ни шла речь. Он позвонил и договорился о встрече в шесть вечера, чтобы забрать пособие, и покинул адвокатскую контору в четверть седьмого. Поэтому он просто не мог убить Джеймса. Было бы гораздо легче, если бы оказалось, что это его рук дело, но все не так.

– Кто же совершил убийство? – спросила Хилари, продолжая размышлять вслух.

Мэрион замолчала. Услышав вопрос Хилари, она будто окаменела. Жизнь невозможна без дыхания, а дыхание предполагает какое-то движение. Казалось, Мэрион перестала дышать.

Наступила долгая, страшная минута, когда Хилари показалось, что у нее остановилось дыхание. Она смотрела на Мэрион расширившимися, полными ужаса глазами, и тут ей стало ясно: Мэрион не уверена, она не уверена в Джеффе. Она очень любила его, но не была убеждена, что это не он убил Джеймса Эвертона. Эта мысль поразила Хилари; она не знала, что сказать и как себя вести дальше. Она вновь оперлась на руки и почувствовала, как они онемели.

Мэрион вышла из оцепенения. Она резко повернулась, неожиданно утратив самоконтроль, который давал ей силы на протяжении этого года борьбы и испытаний, и ответила:

– Я не знаю, никто не знает и не узнает. Нам просто нужно жить дальше, день за днем, но мы все равно никогда не узнаем. Мне двадцать пять, а Джеффу двадцать восемь. Возможно, нам придется так жить ближайшие лет пятьдесят. Пятьдесят лет.

Ее голос сорвался, перейдя на зловещий шепот.

Хилари вскочила, подняв свои онемевшие руки.

– Мэрион, дорогая, не надо! Это же не на всю жизнь: ты же знаешь, его отпустят.

– Двадцать пять лет, – сдавленно произнесла Мэрион. – Двадцать пять лет или чуть меньше, за примерное поведение. Хорошо, пусть двадцать лет, двадцать лет. Ты не представляешь, что стало с ним за этот год. Лучше бы его приговорили к смертной казни. Они ведь убивают его, медленно, понемногу каждый день, и он погибнет задолго до того, как пройдут эти двадцать лет. Не останется ничего из того, что я знала и любила. Останется только тело по имени Джеффри Грей, тело его не умрет. Он сильный – говорят, он ведет здоровый образ жизни, поэтому его тело все выдержит. Но мой Джеффри погибает, сейчас, в эту самую минуту, пока мы разговариваем.

– Мэрион!

Мэрион оттолкнула ее.

– Ты не знаешь, что это такое. Всякий раз, когда иду туда, я думаю: «Сегодня я достучусь до него, на самом деле достучусь, несмотря ни на что; в этот раз у меня все получится. Нам не помешают тюремщики, мы не будем ни на что обращать внимание, мы просто снова будем вместе, только это имеет значение». Но когда я прихожу туда, – на ее лице появилось отчаяние, – у нас не получается быть вместе. Я не могу сесть рядом с ним, не могу к нему прикоснуться. Они не разрешают мне дотронуться до него, поцеловать. Если бы я могла обнять его, он услышал бы меня. Но он избегает меня, отдаляется, и я ничего не могу с этим поделать.

Она схватилась за спинку кресла и оперлась на него, содрогаясь от рыданий.

– Подумай, каким он вернется через двадцать лет? Почти мертвецом! Что можно сделать для мертвеца? Он практически утратит вкус к жизни к тому времени. А какой стану я? Возможно, моя душа тоже погибнет.

– Мэрион, Мэрион, прошу тебя.

Мэрион вся дрожала.

– Нет, нет никакой надежды, не правда ли? Нужно просто жить дальше. Если бы мой ребенок не умер...

Она замолчала, выпрямившись и закрыв лицо руками.

– Теперь у меня никогда не будет детей. Они убивают Джеффа, и они убили моих детей. О господи, почему, почему это случилось с нами? Ведь мы были так счастливы!

Глава 4

Хилари проснулась от какого-то странного ощущения и услышала, как часы в гостиной пробили полночь. Она не хотела засыпать, не убедившись, что Мэрион уже спит, но позволила сну одолеть ее и теперь злилась на это. Ей казалось, она убежала, скрылась в своих снах, оставив Мэрион бодрствовать наедине со своими невзгодами. Но похоже, Мэрион тоже легла спать.

Хилари выскользнула из постели и босиком направилась в ванную комнату. Окна спальни Мэрион и ванной выходили на одну и ту же сторону. Ухватившись за вешалку для полотенец левой рукой, а правым боком высунувшись из окна ванной комнаты, правой рукой можно дотянуться до подоконника в комнате Мэрион. А если при этом еще вытянуть шею и прислушаться, можно понять, заснула Мэрион или нет. Хилари делала это сотни раз, и Мэрион ни о чем не догадывалась. Тяжелая занавеска скрывала от нее кровать. И она столько раз слышала, как Мэрион вздыхает и плачет, но так и не осмелилась пойти к ней. Вместо этого она проводила ночь без сна, опасаясь за Мэрион и раздумывая о несчастье, которое произошло с ней и Джеффри.

Но сегодня Мэрион спала. Только ее тихое, едва слышное дыхание нарушало тишину комнаты.

Хилари соскочила с окна ловким акробатическим движением, отработанным за время долгой практики. Легкий вздох облегчения вырвался у нее из груди, когда она снова нырнула в свою постель и уютно свернулась калачиком под одеялом. Наконец-то она могла заснуть с чистой совестью.

Еще в детстве она придумала для себя идеальный способ быстро засыпать. В своем воображении она представляла, будто в мире есть страна снов и страна бодрствования. Страну снов окружает высокая стена. Туда невозможно попасть, если только тебе не посчастливится обнаружить в стене потайную дверь, но ты никогда не знаешь, что именно скрывается за этой дверью, поэтому каждое путешествие в страну снов – настоящее приключение. Конечно, иногда за дверью оказывается всего лишь пустая и неинтересная комната. Порой, как в случае с бедняжкой Мэрион, вообще не получается найти дверь, и ты продолжаешь плестись вдоль стены, с каждым шагом чувствуя нарастающую внутри усталость. У Хилари так бывало редко. Двери распахивались перед ней еще до того, как она успевала нащупать щеколду.

Но сегодня ей никак не удавалось заснуть. Она замерзла, пока выглядывала из окна ванной комнаты, поэтому с головой укуталась в одеяло. Но вдруг ее охватывал жар, и она сбрасывала его с себя. Подушка оказывалась то слишком высокой, то слишком низкой, то чересчур мягкой, то чересчур жесткой.

А потом в голове у нее стали снова и снова прокручиваться мысли, как на патефонной пластинке. Будто кто-то включил музыку в соседней комнате, достаточно громкую, чтобы она могла свести человека с ума. Но при этом совершенно невозможно было распознать мелодию, как ни старайся. Снова, снова и снова проигрывала Хилари у себя в памяти эту запись, снова, снова и снова. Она не видела в этом никакого смысла. Разрозненные обрывки информации, дошедшие до нее после убийства Эвертона и ареста Джеффри Грея, не складывались в целостную картину, и поэтому от них не было никакого проку. Нельзя обнаружить смысл в бессмыслице; ей было безразлично, что думали окружающие. Глупо даже предполагать, что Джефф застрелил своего дядю.

Хилари в сотый раз взбила подушку и пообещала себе, что не сдвинется с места, пока не досчитает до ста, но задолго до того, как она приблизилась к своей цели, в носу у нее опять защеколтало, волосы попали в ухо, а рука затекла и онемела. Она сбросила одеяло и вылезла из постели. Это бесполезно, лучше ей подняться и заняться чем-нибудь полезным. Неожиданно в голову пришла мысль, что ей стоит пойти в гостиную, найти папку с материалами судебного

процесса и внимательно изучить их. Ей было известно, где она лежит – на дне дубового сундука. Мэрион спала, впереди – длинная ночь, и у нее достаточно времени, чтобы прочитать все от начала до конца. Она хотела ознакомиться с протоколами дознания, так как пропустила его из-за поездки в Тироль с кузиной Генри, знакомства с ним и помолвки, которая оказалась такой недолговечной.

Она надела халат и тапочки и крадучись добралась до гостиной. Включив свет, она вытащила папку с бумагами. Устроившись в большом кресле, она стала читать дело Эвертона.

Джеймса Эвертона застрелили примерно между восемью и восемью двадцатью вечера во вторник, 16 июля. Он был еще жив в восемь часов, когда звонил по телефону Джеффри Грея, но уже двадцать минут спустя его нашли мертвым, как раз в тот момент, когда Джеффри открыл дверь, а супруги Мерсер ворвались в кабинет. Миссис Мерсер утверждала, что за минуту до этого она слышала звук выстрела. Находясь под присягой, она сообщила:

– Я была наверху и готовила постель для мистера Эвертона. Проходя через гостиную, я услышала в кабинете голоса. Похоже, там ссорились. Я не знала, кто может находиться в кабинете вместе с мистером Эвертоном, поэтому испугалась и подошла к двери, чтобы послушать. Я узнала голос мистера Джеффри Грея и вернулась обратно в гостиную, решив, что если там мистер Джеффри, то беспокоиться не о чем. Затем я услышала звук выстрела. Я закричала, и на мой крик из буфетной прибежал мистер Мерсер, который чистил там серебро. Он попытался открыть дверь, но она оказалась заперта. А когда мистер Джеффри открыл нам ее, у него в руке был пистолет, а мистер Эвертон лежал мертвый на своем письменном столе.

Коронер спросил, слышала ли она, что именно говорил мистер Грей, когда узнала его голос, но миссис Мерсер сильно разволновалась и ответила, что лучше ей будет умолчать об этом. Ее предупредили об обязанности отвечать на все вопросы, и тогда она расплакалась и сказала, что это было связано с завещанием.

Коронер. Скажите, что именно вы слышали?

Миссис Мерсер (рыдая). Я не могу рассказать больше, чем знаю.

Коронер. Никто и не требует этого от вас. Я хочу, чтобы вы сказали только то, что действительно слышали.

Миссис Мерсер. Ничего особенного, о чем можно было бы говорить. Только их голоса и что-то о завещании.

Коронер. Что-то о завещании, но вы не знаете, что именно?

Миссис Мерсер (истерично рыдая). Нет, сэр.

Коронер. Дайте свидетельнице стакан воды. Итак, миссис Мерсер, вы утверждаете, что слышали голоса в кабинете и решили, будто там происходит ссора. Вы сказали, что узнали голос мистера Джеффри Грея. Вы уверены? Это действительно был голос мистера Грея?

Миссис Мерсер. Ах, сэр, сэр, я не хочу наговаривать на мистера Джеффри.

Коронер. Вы уверены, что это был его голос?

Миссис Мерсер (вновь рыдая). О да, сэр. Ах, сэр, не знаю, как я не упала в обморок, выстрел был таким громким. Я закричала, и мистер Мерсер прибежал из буфетной.

Показания миссис Мерсер имели решающее значение, особенно после того, как их подтвердил Альфред Мерсер, слышавший звук выстрела и крик жены. Он попытался открыть дверь, но она была заперта, а когда мистер Грей впустил их, у него в руке был пистолет, а тело мистера Эвертона лежало на письменном столе.

Коронер. Вы узнаете этот пистолет?

Мерсер. Да, сэр.

Коронер. Вы видели его раньше?

Мерсер. Да, сэр, он принадлежит мистеру Грею.

Сердце Хилари затрепетало от гнева. Как могло случиться, что все обстоятельства разом сложились против невинного человека? Какие чувства должен был испытывать Джефф, сидя там и слушая эту мерзкую, страшную клевету? Сначала он думал, что никто не усомнится в его невинности, но потом вдруг понял: все вокруг считают его убийцей. Он видел, как люди смотрят на него с выражением ужаса на лицах, веря, будто он застрелил собственного дядю во время отвратительной ссоры из-за денег.

На мгновение Хилари ощутила ужас. Это не могло быть правдой. Даже если все люди в мире верят в обратное, Хилари ни за что не откажется от своего убеждения. Супруги Мерсер лгали. Почему? Какой у них мог быть мотив? Они имели хорошую работу и достойную оплату. Зачем им убивать своего хозяина? Но это казалось единственной правдоподобной версией. Если они оклеветали Джеффри, значит, сделали это, чтобы отвести подозрения от себя. Но у них не было мотива. Совершенно никакого мотива. Их обязанности не выглядели обременительными, и они ничего не выигрывали. Новое завещание Джеймса Эвертона, подписанное утром в день его смерти, лишний раз подтверждало это предположение. Им причиталось такое же наследство, как и в старом завещании: десять фунтов на человека за каждый год службы. Они проработали у Джеймса около двух лет, так что вторые десять фунтов им еще были не положены. Какой человек откажется от хорошей работы и заманчивых перспектив, совершив умышленное убийство ради двадцати фунтов на двоих с женой?

Хилари задумалась об этом... А если это правда? Деньги и комфорт – это еще не все. Ими могли руководить скрытые мотивы: ревность, ненависть и чувство мести, – а в этом случае собственная безопасность и личная выгода отходят на второй план. Но все-таки должен существовать какой-то мотив. Его наверняка искали, должны были искать, но не нашли. Хилари решила еще раз проверить эту возможность.

Она прочитала показания Джеффри, и ее сердце наполнилось болью. Дядя позвонил ему в восемь вечера. Другие люди, дававшие свидетельские показания, говорили «покойный» или «мистер Эвертон», но Джеффри сказал «мой дядя». На протяжении всего допроса он так и говорил: «мой дядя». «Мой дядя позвонил в восемь вечера и сказал: „Это ты, Джеффри? Я хочу, чтобы ты немедленно приехал, немедленно, мой мальчик“. Он казался сильно расстроенным».

Коронер. Он был рассержен?

Джеффри Грей. Нет, не на меня, я не знаю. Он казался взволнованным, но это никак не было связано со мной, иначе он не назвал бы меня «мой мальчик». Я спросил: «Что-нибудь случилось?» И он ответил: «Я не могу говорить об этом по телефону. Я хочу, чтобы ты приехал как можно скорее». И повесил трубку.

Коронер. Вы поехали к нему?

Джеффри Грей. Сразу же. Дорога до его дома занимает у меня около четверти часа. На полпути я сел в автобус, который останавливается в четверти мили от его ворот.

Коронер. Мистер и миссис Мерсер сказали, что вы не звонили во входную дверь. Они утверждают, парадная дверь была заперта. Стало быть, вы воспользовались другим путем?

Джеффри Грей. Был теплый вечер, и я знал, что дверь дядиного кабинета должна быть открыта, – это стеклянная дверь, которая ведет в сад. Я всегда ходил через сад, если дядя был дома, а я хотел с ним увидеться.

Коронер. Вы часто навещали дядю?

Джеффри Грей. Постоянно.

Коронер. Вы жили вместе с ним на Солуэй-Лодж до своей женитьбы?

Джеффри Грей. Да.

Коронер. Я должен спросить вас, мистер Грей, можно ли назвать ваши отношения с дядей искренней и сердечной привязанностью?

В этот момент лицо свидетеля исказила гримаса страдания. Он тихо произнес: «Это была искренняя и нежная привязанность».

Коронер. Между вами не было ссор?

Джеффри Грей. Нет, никогда.

Коронер. Тогда как вы объясните, что он уничтожил свое завещание, в котором вы были главным наследником, и написал новое, где ваше имя отсутствует?

Джеффри Грей. Я не могу этого объяснить.

Коронер. Вы знаете, что он написал новое завещание утром 16 июля?

Джеффри Грей. Сейчас знаю, но тогда не знал.

Коронер. Вы не знали об этом, когда отправились на встречу с дядей?

Джеффри Грей. Нет.

Коронер. И не знали о том, что он уничтожил завещание, в котором оставлял свое имущество вам? Вы под присягой, мистер Грей. Вы по-прежнему заявляете, что ничего не знали об изменении завещания?

Джеффри Грей. Не имел ни малейшего понятия.

Коронер. Он не сказал вам об этом по телефону?

Джеффри Грей. Нет.

Коронер. Или после того как прибыли в Патни?

Джеффри Грей. Когда я приехал в Патни, он был уже мертв.

Коронер. Вы сказали, что приехали в Солуэй-Лодж в двадцать минут девятого.

Джеффри Грей. Да, примерно в это время. Я не смотрел на часы.

Коронер. Дом расположен на участке земли площадью два акра, и к нему ведет короткая подъездная дорога, не так ли?

Джеффри Грей. Да.

Коронер. Расскажите, как вы добрались до дома?

Джеффри Грей. Я воспользовался подъездной дорогой, которая ведет к парадному входу, но не подходил к двери. Я свернул направо и обогнул дом. Кабинет находится в заднем крыле, а его стеклянная дверь выходит в сад. Дверь оказалась открыта настежь, как я и ожидал.

Коронер. Занавески были задернуты?

Джеффри Грей. Нет. Было светло, был замечательный теплый день.

Коронер. Продолжайте, мистер Грей. Вы вошли в кабинет...

Джеффри Грей. Я вошел. Я думал, дядя выйдет мне навстречу. Я даже не сразу заметил его. В комнате было гораздо темнее, чем снаружи. Я споткнулся обо что-то и увидел пистолет на полу у моих ног. Я поднял его, не задумываясь о том, что делаю. А потом увидел своего дядю.

Коронер. Сначала вы сказали, что было светло, а теперь утверждаете: в комнате царил полумрак. Поясните свои слова.

Джеффри Грей. Я не говорил, что в комнате было темно, я сказал, там оказалось темнее, чем снаружи. На улице было светло, и яркое солнце слепило мне глаза, когда я шел к дому.

Коронер. Продолжайте, мистер Грей. Вы увидели мистера Эвертона...

Джеффри Грей. Он лежал на письменном столе. Я решил, что он потерял сознание. Потом я подошел ближе и понял, что он мертв. Я прикоснулся к нему, он действительно был мертв. Тогда я услышал крик, и кто-то попытался открыть дверь. Она оказалась заперта изнутри на ключ. Я открыл ее. Там была чета Мерсер. Они решили, что это я убил дядю.

Коронер. Пистолет по-прежнему был у вас в руке?

Джеффри Грей. Да, я совершенно о нем забыл.

Коронер. Это тот пистолет?

Джеффри Грей. Да.

Коронер. Мы установили, он принадлежит вам. Вы хотите что-нибудь добавить по этому поводу?

Джеффри Грей. Он принадлежит мне, но я уже год его не видел. Я оставил его в Солуэй-Лодж, когда женился. Там осталось много моих вещей. Мы снимали квартиру, и там недостаточно места, чтобы загромождать его ненужными вещами.

Коронер. Скажите, зачем вам был нужен пистолет?

Джеффри Грей. Дядя подарил мне его около двух лет назад. Я собирался в отпуск в Восточную Европу. Ходили слухи, будто там орудуют бандиты, поэтому он хотел, чтобы я взял с собой пистолет. Я так ни разу и не воспользовался им.

Коронер. Вы хороший стрелок?

Джеффри Грей. Я прекрасный стрелок.

Коронер. По мишеням?

Джеффри Грей. По мишеням.

Коронер. Вы можете поразить человека, находящегося в противоположном конце комнаты?

Джеффри Грей. Никогда не пытался.

Коронер. Мистер Грей, когда шли по дороге, а затем обходили дом, вы встретили кого-нибудь?

Джеффри Грей. Нет.

Коронер. Вы слышали звук выстрела?

Джеффри Грей. Нет.

Коронер. Вы ничего не видели и не слышали по дороге к кабинету?

Джеффри Грей. Ничего.

Почему он никого не видел и ничего не слышал на пути к дому в этот прекрасный теплый вечер? Убийца должен был находиться совсем рядом. Почему Джефф не столкнулся с ним или хотя бы не увидел, как тот убежал с места преступления?.. Почему? Потому что убийца заранее позаботился, чтобы Джефф не встретился с ним. Потому что он знал о приходе Джеффа. Потому что он знал о звонке Джеймса Эвертона Джеффу и о том, что через четверть часа тот будет в Солуэй-Лодж. У убийцы было четверть часа, чтобы застрелить Джеймса Эвертона и замести все следы. Разумеется, Джефф ничего не слышал и ни с кем не встретился, так как убийца сделал все, чтобы этого не произошло. Но Мерсеры должны были слышать выстрел задолго до того, как миссис Мерсер спустилась вниз и закричала в гостиной, а мистер Мерсер прибежал из буфетной, где чистил серебро. Мэрион сказала, что он действительно его чистил – на его ладонях оставалось чистящее средство. Но он был в буфетной, а миссис Мерсер не кричала до тех пор, пока Джефф не оказался в кабинете с пистолетом в руке.

В бумагах было много технических подробностей, связанных с описанием оружия. Пуля, убившая Джеймса Эвертона, определенно была выпущена из этого пистолета. На нем найдены

отпечатки пальцев Джеффа. Но это естественно. Ведь он поднял его, не так ли? Но на нем не нашли других отпечатков. Отпечатки пальцев кого-либо еще отсутствовали. Значит, это не могло быть самоубийством. Даже если бы Джефф не оказался таким неуклюжим, споткнувшись о вещественное доказательство, лежавшее под окном. Она вспомнила, об этом не раз упоминалось во время процесса, стеклянная дверь находилась на расстоянии восьми или девяти футов от письменного стола, а Джеймс Эвертон умер мгновенно. Так что самоубийство полностью исключалось.

Хилари глубоко вздохнула.

Должно быть, Мерсеры солгали – видимо, им пришлось выбирать между своей жизнью и жизнью Джеффа. Но присяжные им поверили и на дознании, и на суде.

Она прочитала показания Мэрион... Ничего, только несколько вопросов и ответов. Но у Хилари сжалось сердце, когда она представила себе Мэрион, принимающую присягу и отвечающую на вопросы. Они с Джеффом были так безудержно, невообразимо счастливы. Это счастье, как яркий свет, сопровождало их везде, куда бы они ни направились. Их любовь делала счастливыми всех, кто находился рядом с ними. И в этом темном переполненном зале суда этот свет вдруг погас навсегда. Был жаркий солнечный день, газеты сообщили, что в ближайшие дни по-прежнему будет жарко, но в этом ужасном, битком набитом людьми зале Мэрион и Джеффри чувствовали: свет их счастья исчез безвозвратно.

Коронер. Вы были дома, когда ваш муж ответил на телефонный звонок вечером 16 июля?

Мэрион Грей. Да.

Коронер. Вы заметили, в котором часу это было?

Мэрион Грей. Да, часы как раз били восемь вечера. Он подождал, пока бой часов замолкнет, и лишь затем снял трубку.

Коронер. Что вы слышали?

Мэрион Грей. Я слышала, как мистер Эвертон попросил моего мужа приехать в Солуэй-Лодж.

Коронер. Вы хотите сказать, что непосредственно слышали, как мистер Эвертон обратился к вашему мужу с этой просьбой?

Мэрион Грей. О да, я слышала его совершенно отчетливо. Он хотел, чтобы муж немедленно приехал к нему. Он повторил это: «Немедленно, мой мальчик». Когда муж спросил, что произошло, он ответил: «Я не могу говорить об этом по телефону. Я хочу, чтобы ты приехал как можно быстрее». Потом муж повесил трубку и сказал: «Это Джеймс. Он хочет, чтобы я немедленно приехал к нему». А я ответила: «Знаю, я слышала это». Муж сказал: «Он кажется сильно расстроенным. Ума не приложу почему».

После этого ее спросили о пистолете. Она сказала, что никогда раньше не видела его.

Коронер. Вы никогда раньше не видели его у своего мужа?

Мэрион Грей. Нет.

Коронер. Как долго вы женаты?

Мэрион Грей. Год и неделю.

Коронер. И за это время вы ни разу не видели пистолет?

Мэрион Грей. Нет.

Коронер. Вы живете в квартире на Модслей-роуд?

Мэрион Грей. Да.

Коронер. Вы живете там со дня своего замужества?

Мэрион Грей. Да.

Коронер. Это небольшая квартира?

Мэрион Грей. Да, довольно маленькая, четыре комнаты.

Коронер. Если бы пистолет хранился там, вы бы его увидели?

Мэрион Грей. Если бы он был там, я бы наверняка его заметила.

Коронер. В квартире есть запертые шкафы или ящики?

Мэрион Грей. Нет.

Коронер. И вы ни разу не видели пистолет?

Мэрион Грей. Я никогда не видела его прежде, нигде.

После этого коронер отпустил ее.

Хилари перевернула страницу.

Глава 5

Показания Берти Эвертона

Коронер. Ваше имя Бертрам Эвертон?

Бертрам Эвертон. Да, разумеется.

Коронер. Вы приходите племянником покойному?

Бертрам Эвертон. О да.

Коронер. Когда вы видели его в последний раз?

Бертрам Эвертон. Что ж, я обедал с ним накануне, как раз перед тем, как это произошло. Удивительно, не правда ли, ведь мы с ним виделись довольно редко. Но так уж случилось.

Коронер. Вы хотите сказать, что были в плохих отношениях с дядей?

Бертрам Эвертон. Не думаю, что это можно назвать плохими отношениями. Мы просто предпочитали встречаться пореже, вот и все.

Коронер. Вы ссорились с дядей?

Бертрам Эвертон. Что вы! Я никогда не ссорюсь с людьми.

Коронер. Возможно, у вас были разногласия?

Бертрам Эвертон. Ну, в том, что касается образа жизни. Дядя был деловым человеком. Серьезным и трудолюбивым деловым человеком. А я собираю китайские безделушки. Мы с ним совершенно не сходились во взглядах.

Коронер. Но вы обедали с ним вечером в понедельник, 15 июля?

Бертрам Эвертон. Да, я уже говорил об этом.

Коронер. Вы были в Шотландии?

Бертрам Эвертон. В Эдинбурге.

Коронер. Вы приехали из Шотландии только для того, чтобы пообедать с дядей, хотя ваши отношения нельзя назвать дружескими?

Бертрам Эвертон. Это преувеличение. Все было не совсем так.

Коронер. Тогда, может быть, вы расскажете, как все было на самом деле, мистер Эвертон?

Бертрам Эвертон. Дело вот в чем. Я собираю китайские безделушки и когда попадаю в такое место, как Эдинбург, то стараюсь найти что-нибудь стоящее. Это не всегда получается, но иногда мне сопутствует удача и удается что-то отыскать, хотя никогда не знаешь, где это произойдет. Ну, вы понимаете? Так вот, я ничего не нашел для себя, но знаю парня, который собирает керамические кувшинчики, его зовут Уайт.

Коронер. Это важно, мистер Эвертон?

Бертрам Эвертон. Ну, я бы так не сказал, но вы ведь задали мне вопрос, не так ли?

Коронер. Расскажите нам покороче, почему вы приехали из Эдинбурга, чтобы встретиться с дядей.

Бертрам Эвертон. Я и говорил об этом. На самом деле я приехал не для того, чтобы повидаться с дядей. Я приехал к этому парню, который собирает кувшинчики. Я уже говорил вам, что его зовут Уайт? Видите ли, я совершенно случайно натолкнулся на набор кувшинчиков в стиле Тоби,

на которых изображены все генералы времен мировой войны, понимаете? Это уникальный набор, единственный в своем роде, очень занимательный – разумеется, если вы интересуетесь такими вещами, не так ли? А чудак, которому они принадлежат, хочет продать их Историческому музею. Так вот я решил предложить ему более высокую цену и приехал, чтобы встретиться с ним. Вот такие дела.

Коронер. Вы с ним встретились?

Бертрам Эвертон. Увы, нет, знаете ли. Как раз в этот день он улетел в Париж, поэтому я позвонил дяде Джеймсу и предложил пообедать вместе.

Коронер. Вы сказали, что были совершенно разными людьми. Что заставило вас предложить ему совместный обед?

Бертрам Эвертон. Ну я же остался у разбитого корыта, как говорится. Бесплатный обед, милая семейная беседа и все такое, знаете ли.

Коронер. Вы хотели обсудить какой-нибудь конкретный вопрос с покойным?

Бертрам Эвертон. Да, речь шла о пособии для моего брата, знаете ли. Он ведь выплачивал ему пособие, но брат сказал мне, что ему было бы гораздо легче, если бы дядя немного увеличил размер пособия. И я согласился поговорить с дядей. Что ж, мне представилась такая возможность, если вы понимаете.

Коронер. Итак, вы обедали с дядей. Вы обсуждали с ним вопрос об увеличении пособия для вашего брата?

Бертрам Эвертон. Ну, я не думаю, что это можно назвать обсуждением. Я сказал: «В отношении пособия старины Фрэнка, дядя Джеймс...» Но он прервал меня, заметив: «Неужели мы снова будем поднимать этот вопрос?»

Коронер. Это имеет какое-то отношение к вопросу об изменении завещания?

Бертрам Эвертон. Можно сказать, и так; он начал ругаться на бедного старину Фрэнка, знаете ли, сказал, что ему нужно поторопиться и найти себе работу, поскольку если с ним что-нибудь случится – я имею в виду с дядей, – бедный старина Фрэнк окажется без гроша в кармане. Потому как он – я имею в виду дядя – собирается изменить завещание, исключив из него всех подхалимов и лицемеров, которые хотят воспользоваться его добротой. Но он докажет им, что они ошибаются, и это произойдет в ближайшие двадцать четыре часа. Что ж, эти слова застали меня врасплох, знаете ли, и я ответил: «Успокойся, дядя! Даже злейший враг бедного старины Фрэнка не смог бы обвинить его в лицемерии». Он недовольно посмотрел на меня и ответил: «Я не имел в виду твоего брата Фрэнка».

Коронер. То есть он подтвердил вам, что собирается изменить завещание?

Бертрам Эвертон. Что ж, похоже на то, не так ли?

Коронер. Он сказал вам, что собирается изменить завещание в вашу пользу?

Свидетель замаялся в нерешительности.

Коронер. Я настоятельно прошу вас ответить на этот вопрос.

Бертрам Эвертон. Ну ведь это так неловко, отвечать на подобные вопросы, не так ли?

Коронер. Боюсь, мне придется повторить свой вопрос. Дядя сказал вам, что собирается изменить завещание в вашу пользу?

Бертрам Эвертон. Ну, не совсем так, знаете ли.

Коронер. Что именно он сказал?

Бертрам Эвертон. Что ж, если вы настаиваете... Он сказал: если ему приходится выбирать между лицемером и дураком, он предпочитает дурака, знаете ли.

(Смех в зале.)

Коронер. Вы отнесли его слова на свой счет?

Бертрам Эвертон. Но ведь именно об этом он и говорил, не так ли?

Коронер. Вы подумали, его слова говорят о намерении изменить завещание в вашу пользу?

Бертрам Эвертон. Ну, я не думал, что он это сделает, знаете ли. Я решил, он поругался с Джеффри.

Коронер. Он сказал вам об этом?

Бертрам Эвертон. Нет, у меня просто сложилось такое впечатление, если вы понимаете.

Щеки Хилари вспыхнули от гнева. Если бы суд был организован надлежащим образом, ему бы никогда не позволили заявлять подобные вещи. В коронерском суде запрещено высказывать свои предположения, а этот дурачок Берти решил, что Джеффри поругался со своим дядей. За все время дознания не нашли ни одного подтверждения этой ссоры, но вся общественность была уверена, что она действительно произошла. Они прочитали показания Берти Эвертона во время дознания и поверили в ссору Джеффри Грея со своим дядей из-за того, что тот уличил его в чем-то порочащем и именно поэтому решил изменить завещание. А присяжные, которые впоследствии признали Джеффри Грея виновным в убийстве своего дяди, и были представителями этой самой общественности. Как только какая-нибудь мысль становится частью коллективного сознания, практически невозможно избавиться от ее влияния. Ничем не обоснованное предположение Берти Эвертона о ссоре между дядей и племянником в итоге привело к вынесению обвинительного приговора.

Хилари перевернула страницу. Лежавшие перед ней материалы частично были представлены газетными статьями, а частично – расшифровкой стенографических записей. Открыв следующую страницу, она увидела фотографию Берти Эвертона – «Мистер Бертрам Эвертон покидает здание суда». Конечно, она встречалась с ним однажды во время следствия, но воспоминания об этих днях казались ей настоящим кошмаром. Хилари смотрела во все глаза, но так и не смогла разглядеть ничего особенного. Не высокий и не низкий. Неправильные черты лица и длинные волосы. Фотография получилась довольно смазанной, и, уж конечно, ни один фотограф не может передать всю палитру красок. Она вдруг вспомнила, что у Берти Эвертона рыжие волосы. У него была шапка густых волос, которые на самом деле выглядели довольно длинными.

Она продолжила чтение его показаний.

Он сказал, что сел в десятичасовой экспресс из Эдинбурга, прибывавший на вокзал Кингс-Кросс в половине шестого вечера 15 июля. После обеда с Джеймсом Эвертоном он уехал на поезде, уходящем от Кингс-Кросс в 01.05, и в 09.36 16 июля сошел на вокзале в Эдинбурге. Оттуда он сразу же направился в гостиницу «Шотландия», где заказал поздний завтрак, а потом решил вздремнуть. Он долго объяснял, что не может спать в поезде. Поев в гостинице в половине второго, он написал два письма: одно – брату, а другое – мистеру Уайту, которого упоминал в связи с набором кувшинчиков Тоби. В это же время он пожаловался администрации гостиницы на неработающий звонок в номере. Сразу после четырех отправился на

прогулку, а по пути поинтересовался, не было ли для него оставлено сообщений. Он ожидал звонка от продавца кувшинчиков. Вернувшись в гостиницу, сразу же направился в номер. Он чувствовал себя усталым, ему нездоровилось. Он решил не ходить в столовую, поскольку не был голоден. Вместо этого заказал себе в номер немного печенья. Съев одно или два и хлебнув пару глотков из своей фляги, он лег спать. Он не знал, в котором часу это было, – возможно, около восьми. Он не смотрел на часы. Ему сильно нездоровилось. Больше всего ему хотелось лечь спать. Следующее, что он помнит, – это как утром горничная принесла ему чай, он просил разбудить его в девять. На вопрос, чем он занимался во время прогулки, сказал, что не помнит. Немного побродил по окрестностям, пропустил пару стаканчиков.

На этом заканчивались показания Берти Эвертона.

На следующей странице оказалось отпечатанное заявление Анни Робертсон, горничной гостиницы «Шотландия». Осталось непонятно, приобщили его к материалам дознания или нет. Это было просто заявление.

Анни Робертсон подтверждала, что мистер Бертрам Эвертон поселился в гостинице за три или четыре дня до 16 июля. Возможно, 11 или 12 июля или же 13 июля.

Она не знала точно, но об этом можно узнать у регистратора. Он проживал в номере 35. Она помнит вторник, 16 июля. Действительно, мистер Эвертон жаловался на звонок в своей комнате. Он сказал, звонок не работает, хотя затем выяснилось, что с ним все в порядке. Она пообещала понаблюдать за звонком, так как мистер Эвертон утверждал, будто он то работает, то не работает. Мистер Эвертон пожаловался на звонок около трех часов дня. В это время он писал письма. В тот же вечер, примерно в половине восьмого, он позвонил, и она ответила. Мистер Эвертон попросил принести печенье. Он сказал, что плохо себя чувствует и собирается лечь спать пораньше. Она принесла ему печенье и решила, что его нездоровье связано с большим количеством выпитого алкоголя. На следующий день, в среду, 17 июля, в девять утра она принесла ему чай. Казалось, мистеру Эвертону стало лучше, и он выглядел как обычно.

Хилари дважды прочитала это заявление. Затем она вновь пролиставла показания Берти Эвертона. Он вышел из гостиницы около четырех часов дня, а вернулся в половине девятого вечера. Он мог вылететь в Кройдон, чтобы добраться в Патни к восьми часам, – по крайней мере ей хотелось так думать. Но тогда он не смог бы оказаться в своей комнате в гостинице «Шотландия», заказывать печенье и жаловаться на плохое самочувствие в половине девятого вечера. Джеймс Эвертон был жив и разговаривал с Джеффом в восемь часов. Кто бы ни застрелил его, это не мог быть его племянник Берти, который заказывал печенье в Эдинбурге в половине девятого.

Хилари с сожалением отбросила свои подозрения в отношении Берти. Он так хорошо подошел бы на роль убийцы, но совершенно очевидно, что это невозможно.

Другой племянник, Фрэнк Эвертон, не участвовал в дознании. Слова Мэрион о том, что он заходил за своим еженедельным пособием в Глазго в промежутке между пятью сорока пятью и шестью пятнадцатью вечера 16 июля, полностью подтвердились другим напечатанным заявлением. Мистер Роберт Джонстон из фирмы «Джонстон, Джонстон и Маккандлиш» заявил, что беседовал с мистером Фрэнсисом Эвертоном, который ему хорошо знаком, между пятью сорока пятью и шестью пятнадцатью во вторник, 16 июля, во время передачи ему суммы в размере двух фунтов стерлингов десяти шиллингов, о чем у него имеется подписанная мистером Эвертоном квитанция.

Долой Фрэнка Эвертона. От его кандидатуры Хилари отказалась с еще большим сожалением. Недотепа, перекасти-поле, паршивая овца в семье, но определенно не наш мистер Убийца. Даже если бы у него был собственный аэроплан – а откуда у такого человека может взяться собственный аэроплан? – он не смог бы этого сделать. Ему понадобился бы частный аэродром, нет, два частных аэродрома – по одному в каждом пункте назначения. Она представила себе, как эта белая ворона плюхается в аэроплан прямо у порога фирмы «Джонстон, Джонстон и

Маккандлиш», пронесится над оживленными улицами Глазго, прибывает в Патни, приземляется на заднем дворе поместья Джеймса Эвертона – и все это не привлекая к себе ни малейшего внимания. Эта идея казалась очень соблазнительной, но была похожа больше на историю из «Тысяча и одной ночи», сказку о десятом календаре или другую невероятную фантазию. Для отмены судебного приговора этого было явно недостаточно.

Все снова указывало на Мерсеров. Если Джефф говорил правду, значит, Мерсеры лгали. Разумеется, Джефф говорил правду. Она верила ему всем сердцем. Если он сказал, что Джеймс Эвертон был мертв, когда он вошел в кабинет в восемь двадцать, значит, тот действительно был мертв, а рассказ миссис Мерсер о соре и пистолетном выстреле оказывался ложью. Она не могла слышать, как Джефф ссорился со своим дядей, а тем более звук выстрела в тот самый момент, когда, по ее словам, она его услышала, если к приходу Джеффа мистер Эвертон уже был убит. Нет, миссис Мерсер говорила неправду. Вот почему она все время задыхалась и выглядела такой напуганной в поезде. Ее мучили угрызения совести, и эти душевные страдания не прекратятся, так как она причинила боль Джеффу и Мэрион.

Но зачем она это сделала?

Это очевидно. Мистер Мерсер застрелил своего хозяина, и она лгала, чтобы спасти ему жизнь. Это грех с ее стороны, но грех вполне объяснимый. Она лгала, чтобы спасти мужа, и ради его спасения оклеветала Джеффри.

Разумеется, так оно и было. Хилари подумала, что миссис Мерсер не следовало так выставлять напоказ свои чувства. Муки совести сыграли с ней злую шутку. Как можно верить показаниям женщины, которая не перестает душераздирающе рыдать во время допроса? Теперь все ясно: Альфред Мерсер застрелил Джеймса Эвертона, а миссис Мерсер солгала, чтобы обеспечить ему алиби.

Хилари перевернула следующую страницу, и перед ней оказались показания миссис Томпсон. Она совсем забыла о миссис Томпсон. Прекрасное, неопровержимое алиби было не только у Берти и Фрэнка Эвертонов, оно также оказалось и у супругов Мерсер. Миссис Томпсон сняла с них все подозрения. В папке имелась ее фотография, буквально живое воплощение миссис Гранди¹ – такая же внушительная, важная и основательная, как британская Конституция. Она служила экономкой в соседнем доме, у сэра Джона Блейкни, в течение двадцати пяти лет. Мерсеры пригласили ее пообедать вместе, так как сэр Джон был в отъезде. Она находилась на кухне с половины восьмого до того момента, когда Джеймса нашли убитым. Все это время мистер Мерсер оставался в буфетной, чистил серебро и занимался другими делами в кухне рядом с ней и миссис Мерсер. Это был старинный дом, в котором буфетная соединялась с кухней. Она поклялась, что мистер Мерсер не входил в жилую часть дома до тех пор, пока не услышал крик жены. Тогда он выбежал из кухни узнать, что случилось, а она последовала за ним в гостиную, где увидела распахнутую дверь кабинета, рыдающую миссис Мерсер и мистера Грея с пистолетом в руке.

Коронер. Вы слышали выстрел?

Миссис Томпсон. Нет, сэр, я очень плохо слышу, сэр.

Коронер. Вы слышали, как закричала миссис Мерсер?

Миссис Томпсон. Нет, сэр, я не слышала ничего такого – нас ведь разделяло две двери.

Коронер. Между кухней и гостиной две двери?

Миссис Томпсон. Да, сэр.

Коронер. Миссис Мерсер была с вами на кухне?

Миссис Томпсон. Да, сэр.

¹ Персонаж пьесы Т. Мортон (1798) – олицетворение общественного мнения в вопросах приличия.

Коронер. Она говорит, что пошла наверх приготовить постель для мистера Эвертона. Сколько времени прошло с того момента, когда она поднялась наверх, до того, когда она позвала на помощь?

Миссис Томпсон. Я бы сказала, что около пяти минут, сэр, не больше.

Коронер. Мне необходимо уточнить один вопрос. Альфред Мерсер присутствует в зале суда? Я бы хотел вызвать его повторно.

Повторный допрос Альфреда Мерсера

Коронер. В предыдущих своих показаниях вы забыли сказать, в котором часу обедал мистер Эвертон. Так в котором часу он обедал?

Мистер Мерсер. От восьми до половины девятого, сэр.

Коронер. Вы хотите сказать, что это время не было строго установленным?

Мистер Мерсер. Да, сэр. Если погода оказывалась хорошей, он любил посидеть в саду.

Коронер. Состоялся ли обед в вечер убийства?

Мистер Мерсер. Нет, сэр. Он приказал подать на стол в половине девятого.

Коронер. Я хотел бы вызвать повторно миссис Мерсер.

Повторный допрос миссис Мерсер

Коронер. Правда ли, что 16 июля мистер Эвертон просил подать обед в половине девятого?

Миссис Мерсер. Да, сэр.

Коронер. Вы исполняете обязанности кухарки?

Миссис Мерсер. Да, сэр.

Коронер. Обед должен был начаться в половине девятого, но в восемь пятнадцать вы поднялись наверх, чтобы подготовить ему постель. Вы не находите это странным?

Миссис Мерсер. Да, сэр. На обед подавались только холодные блюда, сэр.

Коронер. Вы хотите сказать, что вам не нужно было ничего готовить?

Миссис Мерсер. Нет, сэр. Все было готово и подано в столовую, кроме пудинга, который я поставила на лед.

Коронер. Ясно. Спасибо, миссис Мерсер, теперь все понятно. Так, миссис Томпсон, давайте продолжим. Вы поклялись, что Альфред Мерсер оставался на кухне и в буфетной с половины восьмого до восьми двадцати, то есть до того момента, когда раздался крик о помощи?

Миссис Томпсон. Да, сэр.

Коронер. Вот план дома. Из ваших показаний известно: в буфетной есть только одна дверь, которая ведет на кухню. Мне также сообщили, что окно в буфетной закрыто решеткой, поэтому через него нельзя вылезти наружу. Вы клянетесь, что не покидали кухню с половины восьмого до восьми двадцати?

Миссис Томпсон. Да, сэр.

Коронер. Вы клянетесь, что Альфред Мерсер не выходил через кухню на протяжении этого времени?

Миссис Томпсон. Он заходил на кухню, сэр. Я ведь плохо слышу, и ему пришлось подойти поближе, чтобы я смогла расслышать его слова. Но он никуда не выходил, разве что обратно в буфетную.

Коронер. Значит, вы разговаривали?

Миссис Томпсон. Да, сэр.

Коронер. А миссис Мерсер тоже была там все это время, пока не поднялась наверх, чтобы приготовить постель?

Миссис Томпсон. Думаю, что один раз она выходила в гостиную, сэр.

Коронер. В котором часу это было?

Миссис Томпсон. Где-то около восьми, сэр.

Коронер. Как долго она отсутствовала?

Миссис Томпсон. Несколько минут, сэр.

Коронер. Она вела себя как обычно?

Миссис Томпсон. Нет, сэр, я бы так не сказала. Бедняжка сильно страдала от зубной боли. Об этом мы и говорили с мистером Мерсером. Он пожаловался, что не может заставить ее пойти к дантисту. «Что толку, – сказал он, – страдать и плакать от боли, вместо того чтобы пойти и удалить больной зуб?»

Коронер. Понятно. А миссис Мерсер плакала от боли?

Миссис Томпсон. Все время, бедняжка.

На этом допрос миссис Томпсон был завершен.

Глава 6

Затем следовали показания врачей и полиции, а также информация о завещании. Медицинское свидетельство гласило: Джеймс Эвертон умер мгновенно. Пуля вошла в левый висок. Полицейский хирург прибыл без четверти девять. По его мнению, мистер Эвертон не смог бы двигаться после того, как в него была выпущена пуля. И разумеется, он не мог уронить или бросить пистолет туда, где он лежал согласно показаниям мистера Грея. После выстрела он упал на стол и мгновенно умер. Выстрел был произведен с расстояния в один ярд или немного больше. Все это наряду с отсутствием отпечатков пальцев Джеймса Эвертона на пистолете исключало возможность самоубийства. Всегда сложно определить точное время убийства, но были все основания считать, что в восемь вечера он еще находился в здравии.

Коронер. Он мог умереть за сорок пять минут или за час до того, как вы впервые увидели тело?

– Это возможно.

Коронер. Не более?

– Я бы сказал, нет, но точное время смерти установить довольно сложно.

Коронер. Он мог быть жив в восемь двадцать?

– О да.

Здесь было много таких показаний. В конце концов Хилари решила, что медицинские данные не противоречат всему заявленному в отношении времени убийства. По мнению полицейского хирурга, Джеймса Эвертона могли застрелить в восемь двадцать, когда Мерсеры, по их словам, услышали выстрел, или в любое другое время между восемью, когда он звонил по телефону Джеффри, и восемью двадцатью. Полицейские утверждали, что, когда они приехали, парадная дверь оказалась заперта на засов, а окна первого этажа закрыты на защелки, за исключением окон в столовой, распахнутых в верхней части. Эти огромные окна с тяжелыми рамами открыть было непросто.

Во время повторного допроса миссис Томпсон показала, что ни мистер, ни миссис Мерсер не приближались к окнам и дверям после того, как мистера Эвертона нашли мертвым. Мистер Мерсер вошел в кабинет и, убедившись, что мистер Эвертон мертв, направился к телефону, но мистер Грей выхватил у него трубку и сам позвонил в полицию. Миссис Мерсер продолжала «отчаянно рыдать», присев на нижнюю ступень лестницы. Миссис Томпсон была уверена: никто не подходил к дверям и окнам.

Коронер обратился к присяжным, и по его словам стало очевидно, что это Джеффри застрелил своего дядю.

– Речь идет о семье, похожей на сотни других зажиточных семей. Мистер Джеймс Эвертон был общественным бухгалтером, единственным учредителем давно основанного предприятия. Его племянник, мистер Джеффри Грей, имел отношение к этой фирме и, как он сам признался, рассчитывал стать в ней полноправным партнером. До женитьбы, которая состоялась год назад, он жил вместе с дядей в Солуэй-Лодж, в Патни. Домашняя прислуга состояла из Альфреда Мерсера, его жены и приходящей работницы по имени Эшли, которую не вызывали в суд, так как она заканчивает свою работу в шесть вечера. Мерсеры подтвердили: в тот день она ушла приблизительно в это время. Но в доме находилась миссис Томпсон, которую Мерсеры пригласили на обед. Миссис Томпсон является экономкой сэра Джона Блейкни и проживает в Садбери-Хаус по соседству с Солуэй-Лодж. Она служит там уже двадцать пять лет. Вы слышали ее показания. Я не хочу преуменьшать их значение. По словам миссис Томпсон – а у нас нет причины сомневаться в их правдивости, – Альфред Мерсер не покидал кухню в интересующий нас промежуток времени. Она говорит, что он находился то в кухне, то в буфетной,

где чистил серебро, но ни разу не выходил оттуда. Таким образом, если верить миссис Томпсон, Альфред Мерсер остается вне подозрений. По его словам, в восемь двадцать он услышал звук выстрела и крик жены. Выбежав в гостиную, он увидел миссис Мерсер в ужасном состоянии. Он попытался войти в кабинет, но дверь была заперта. Затем мистер Грей открыл ее изнутри. В руке он держал пистолет, а мистер Эвертон лежал мертвый на письменном столе. Последовавшая за Альфредом Мерсером миссис Томпсон подтверждает эти показания, но, так как у нее плохой слух, она не слышала звука выстрела и крика. Думаю, вы можете исключить Альфреда Мерсера из списка подозреваемых.

Теперь рассмотрим показания миссис Томпсон в отношении его жены. Миссис Мерсер дважды покидала кухню – в первый раз «около восьми вечера». Миссис Томпсон не может сказать точно, в котором часу это было, но утверждает, что миссис Мерсер отсутствовала «не более двух-трех минут». Мистер и миссис Грей клянутся, что мистер Эвертон разговаривал с ними по телефону в восемь вечера. Думаю, эти показания можно считать достоверными. Я не вижу основания сомневаться, что мистер Грей приехал в тот вечер в Солуэй-Лодж после телефонного разговора со своим дядей, который состоялся в восемь часов. Поэтому отсутствие миссис Мерсер в кухне в это время можно считать несущественным. Она сказала, что относила тарелки в столовую, и у нас нет причин сомневаться в ее словах.

Давайте перейдем к показаниям относительно того периода времени, когда миссис Мерсер отсутствовала на кухне во второй раз. Примерно в четверть девятого она вышла, чтобы приготовить комнату мистера Эвертона ко сну. На первый взгляд это выглядит подозрительно, так как обычно кухарка не должна заниматься домашними делами за четверть часа до начала основного приема пищи делового человека. Но ее показания о том, что из-за жары обед состоял из холодных блюд и уже был подан в столовую, подтверждаются полицейским отчетом. В нем также говорится, что постель мистера Эвертона оказалась разобрана. Я хочу обратить ваше внимание на время – здесь оно играет очень важную роль. Подозревая миссис Мерсер, мы должны предположить, что она поднялась наверх, приготовила комнату, а затем спустилась вниз с пистолетом, который, как утверждает мистер Грей, оставался в Солуэй-Лодж после его переезда год назад. Однако мистер и миссис Мерсер заявили, что даже не подозревали о его существовании. Итак, она зарядила пистолет, спустилась вниз, вошла в кабинет и без колебаний застрелила своего хозяина. Только представьте себе: она запирает дверь, стирает свои отпечатки с ручки – ведь на ней не было найдено других отпечатков, кроме отпечатков мистера Грея, – затем стирает свои отпечатки с пистолета – на нем тоже обнаружили только отпечатки мистера Грея, – а потом убегает через стеклянную дверь. На все это у нее не более пяти минут, но ей еще нужно вернуться обратно в дом. Если даже вообразить, что эта нервная, истеричная женщина способна сначала спланировать, а затем совершить хладнокровное убийство, уничтожив все следы своего преступления, мы по-прежнему не сможем ответить на вопрос, как ей удалось вернуться в дом. Входная дверь заперта на засов, все окна первого этажа – на задвижках, кроме двух окон в столовой, распахнутых в верхней части. В полицейском отчете сказано, что снаружи невозможно поднять нижнюю половину этих окон. Задняя дверь также оказалась закрыта. Миссис Томпсон подтвердила: ее заперли на ключ сразу после ее прихода. Полиция нашла ее закрытой. Я рассказываю об этом так подробно для того, чтобы доказать: миссис Мерсер не входит в число подозреваемых. Несмотря на ее отсутствие на кухне в промежуток времени, когда произошло преступление, физически невозможно – и, полагаю, я смог вас в этом убедить, – чтобы она совершила убийство, а потом вернулась в дом. Дверь кабинета оставалась запертой, пока ее не открыл мистер Грей. Он сам подтвердил: ключ находился в замке. Миссис Мерсер не смогла бы выйти через эту дверь, оставив ее запертой изнутри.

Теперь обратимся к показаниям мистера Бертрама Эвертона. Мне кажется, не стоит напоминать вам об их важности. Мистер Бертрам Эвертон поклялся, что за обедом вечером в понедельник 15 июля мистер Джеймс Эвертон сообщил ему о намерении изменить свое заве-

щение. Он сказал об этом в таких выражениях, которые позволили мистеру Бертраму Эвертону считать себя основным наследником своего дяди. Позвольте зачитать вам отрывок расшифровки стенограммы этой части показаний.

- «– Он сказал, что изменит завещание в вашу пользу?»
- Ну, не совсем так.
- Что именно он сказал?
- Что ж, если вы настаиваете, он сказал: если ему приходится выбирать между лицемером и дураком, он предпочитает дурака.
- Вы отнесли его слова на свой счет?
- Но ведь именно об этом он и говорил, не так ли?
- Вы подумали, его слова говорят о намерении изменить завещание в вашу пользу?
- Ну, я не думал, что он это сделает, знаете ли. Я решил, он поругался с Джеффри.
- Он сказал вам об этом?
- Нет, у меня просто сложилось такое впечатление, если вы понимаете».

Эти показания подтверждаются установленными фактами. Достоверно известно, что утром 16 июля, то есть утром следующего дня после встречи с мистером Бертрамом Эвертоном, мистер Джеймс Эвертон послал за своим адвокатом и изменил завещание. У вас имеются свидетельские показания мистера Блэкета. Он утверждает, что в телефонном разговоре мистер Эвертон попросил его немедленно доставить его завещание в Солуэй-Лодж. По прибытии он обнаружил своего клиента в ужасном состоянии. По его мнению, мистер Эвертон пережил сильнейшее потрясение. Он не выглядел возбужденным или рассерженным, но был бледен, подавлен и весьма обеспокоен. У него тряслись руки, и, по-видимому, он провел бессонную ночь. Без всяких объяснений он порвал старое завещание и бросил его в открытый камин. Согласно старому завещанию основным наследником являлся мистер Джефффри Грей. Кроме того, небольшие суммы были завещаны миссис Грей, мистеру Фрэнку Эвертону и мистеру и миссис Мерсер. Уничтожив завещание, мистер Эвертон дал мистеру Блэкету распоряжение составить новый документ. В новом завещании мистер Джефффри Грей отсутствует в числе наследников. Миссис Грей и мистер Фрэнк Эвертон также были исключены из этого списка. Сумма, оставленная мистеру и миссис Мерсер, не изменилась. Остальная часть собственности переходит к мистеру Бертраму Эвертону. Обратите внимание: это полностью соответствует тем выводам, которые он сделал накануне вечером со слов своего дяди.

В случае убийства подозрение в первую очередь падает на человека, который получает наибольшую выгоду от преступления. Однако в этом деле мистер Бертрам Эвертон, по счастливому стечению обстоятельств находившийся в Эдинбурге во время совершения преступления, оказывается вне подозрений. Кроме того, у него не было мотива для убийства, поскольку, даже если и предполагал, что дядя собирается изменить завещание в его пользу, он никак не мог знать о новом завещании, которое уже составлено и подписано. Показания служащих гостиницы «Шотландия» в Эдинбурге подтверждают: он находился там во время позднего завтрака, ленча, около трех часов пополудни, немногим позже четырех, в половине девятого вечера 16 июля и в девять утра 17 июля. Поэтому совершенно невозможно предположить, будто он связан с этим убийством.

Наконец рассмотрим показания мистера Джефффри Грея. Он отрицает ссору с дядей и заявляет, что не имеет ни малейшего понятия о причине изменения завещания. Однако у мистера Джеймса Эвертона имелась такая причина. По свидетельству мистера Блэкета, он изменил завещание в минуту глубочайшего душевного страдания. После того как был составлен новый документ, он отправился в свой банк в сопровождении мистера Блэкета и под-

писал его в кабинете управляющего в присутствии самого управляющего и одного из служащих банка, выступивших в качестве свидетелей. Я обращаю на это ваше внимание, чтобы вы поняли: мистер Эвертон действовал не по чьему-либо принуждению, а по собственной воле. Он лишил одного из племянников наследства, оставив все свое состояние другому племяннику, хотя мистер Джеффри Грей и клянется, будто не знает причину, по которой он это сделал. Он поклялся, что между ним и дядей не было ссоры и разрыва отношений.

Вернемся к его показаниям. Он заявляет, что дядя позвонил ему вечером 16 июля. Миссис Грей подтверждает его слова. На данном этапе нет оснований сомневаться в искренности этих свидетелей. Прозвенел телефонный звонок, и мистера Грея попросили срочно приехать в Солуэй-Лодж. Он говорит, что во время разговора голос дяди звучал дружелюбно. Всего несколько часов назад мистер Эвертон, находясь в состоянии глубокого душевного волнения, лишил своего племянника наследства, но тот уверяет, будто дядя по-прежнему был нежен и участлив. Он клянется, что прибыв в Солуэй-Лодж, обнаружил дядю мертвым, а оружие преступления – пистолет – лежало у открытой стеклянной двери. Он поднял его, услышал крик миссис Мерсер, подошел к двери и понял – она заперта изнутри, а ключ находится в замке. Он открыл дверь и увидел супругов Мерсер в гостиной.

Хилари перестала читать. Джефф, бедный Джефф! Это было совершенно бесполезно. Что ты мог поделать против таких улик? О чем могли подумать присяжные? Они отсутствовали всего десять минут, и за эти десять минут никто в зале суда не усомнился в отношении того, каким будет вердикт: Джеффри Грей виновен в умышленном убийстве.

Хилари закрыла папку. У нее не хватило сил читать дальше. На судебном процессе не обнаружили ничего нового – тщательно подобранные улики, длинные выступления и ужасающие факты. Все это давно было ей известно. В этот раз жюри присяжных совещалось полчаса вместо десяти минут. Но они вынесли тот же самый вердикт: Джеффри Грей виновен в умышленном убийстве.

Глава 7

Часы в гостиной пробили три. Хилари спала, откинув голову на спинку кресла; тяжелая папка по-прежнему лежала у нее на коленях. Тусклый свет стер румянец с ее влажных щек. Ситцевые чехлы Мэрион были покрыты яркими птицами и цветами, но Хилари выглядела очень бледной, погрузившись в глубокий сон. Свет плясал на ее сомкнутых веках, но она не чувствовала этого. Только что она была здесь, переживая за Джеффри и Мэрион, но вдруг одна из дверей в длинной гладкой стене страны сновидений распахнулась и выпустила ее внутрь.

Она оказалась в необычном месте, и в самом деле странном. Она шла по длинному темному извилистому коридору, стены которого были сделаны из черных зеркал. Она видела в них свое отражение, видела, как по обе стороны от нее по коридору идут еще две Хилари. Во сне это казалось естественным и даже забавным, но вскоре отражения начали меняться – не сразу, но постепенно, понемногу, шаг за шагом, – пока не превратились в двух совершенно незнакомых людей. Она не видела их лиц, но была уверена, что не встречалась с ними раньше. Если бы ей удалось повернуть голову, она смогла бы их разглядеть, но у нее не получалось пошевелиться. Ледяной страх сдавил ей шею и сковал мышцы. Она содрогалась от внутренних рыданий, призывая Генри, во сне она забыла о его отвратительном поведении и думала лишь о том, что он защитит ее от всякого несчастья.

Свет скользнул по сомкнутым векам, и слезы из ее сна наполнили глаза и заструились по бледным щекам. Они капали на яркий ситцевый рисунок, увлажняя голубое оперение птиц и ярко-розовые лепестки пионов. Одна слезинка спряталась в глубокой складке в уголке губ, и она почувствовала ее солоноватый вкус во сне.

В соседней комнате Мэрион Грей спала в крошечной темноте и ничего не видела во сне. Ей приходилось всегда носить маску мужества и стойкости, которую она надевала для окружающего мира. Для того чтобы обеспечить себя, она работала манекенщицей. Целыми днями она стояла, ходила и позировала в одежде, порой красивой, порой безобразной, но в любом случае жутко дорогой. Стройное изящное тело и статус жены Джеффри Грея придавали ей определенную известность. И каждый день ей приходилось мириться с этой известностью. Она получила работу благодаря помощи подруги: «Тебе придется изменить имя. Хотя, разумеется, все вокруг будут знать, кто ты на самом деле. Я сильно рискую, ведь твое имя может способствовать увеличению продаж, а может и уменьшить их. Учитывая характер моей клиентуры, я думаю, твое присутствие оживит торговлю. Если нет, тебе придется уйти. Повторяю, я иду на огромный риск». Но риск оправдал себя. Она зарабатывала себе на пропитание, и ее работа была не из легких. Завтра она вернется к Харриет и снова превратится в Ванию. Даже сегодня вечером она не была Мэрион Грей. Она так устала, что утратила связь с реальным миром, с Джеффри и перестала ощущать холодную тоску, обволакивающую ее сердце тонким панцирем изо льда.

Джеффри Грей тоже спал. Он лежал на своей узкой кровати так же, как в детстве, когда его укладывала мать, и в школьные годы, когда ему приходилось спать на школьной постели, почти такой же жесткой и неудобной. Он спал в той же позе, в которой его часто видела Мэрион в свете луны или на восходе солнца: закинув одну руку за голову, а ладонь другой подложив под щеку. Он спал и видел во сне все те милые его сердцу вещи, которые потерял. Его тело оставалось в тюрьме, но душа была свободна. Он участвовал в школьных соревнованиях, вновь побеждая в забеге на сто ярдов, срывая грудью ленточку и слыша рев и аплодисменты восторженной толпы. А потом видел себя в кабине самолета вместе с Элвери. Гул моторов, звезды и облака, похожие на кипящее молоко, и свист ветра в ушах. В следующую минуту он нырял в прозрачную морскую воду, погружался в нее, уходя все глубже и глубже, и голубые блики волн постепенно темнели, превращаясь в черную толщу воды. И вдруг он вновь оказывался на

поверхности, где в лучах сияющего солнца ждала его Мэрион. Они брались за руки и плыли вместе, бок о бок, скользя в прозрачной воде. Порой они взлетали на гребни волн, погружаясь в пену и резвясь в разноцветной радуге ярких брызг. Он смотрел на Мэрион и видел, как радуга сияет в ее волосах.

Капитан Генри Каннингем не спал, когда часы пробили три. К этому времени он уже отказался от всяческих попыток заснуть. Это случилось около получаса назад, когда он включил свет и попытался заняться изучением статьи о китайском фарфоре. Раньше его совершенно не интересовали подобные вещи. Но если он действительно собирается выйти в отставку и взять на себя руководство антикварным предприятием, которое так неожиданно завещал ему крестный отец, старый мистер Генри Юстатус, то придется узнать много нового об истории фарфора. Разумеется, он еще не принял окончательного решения, но должен сделать это до конца месяца. Моррисы не будут дважды повторять свое предложение; ему придется либо принять, либо отклонить его – ведь отпуск закончится через несколько недель.

Больше всего его волновали мысли о Хилари. Она так хотела, чтобы они занимались антикварным делом вместе. Именно тогда он всерьез задумался об этой возможности. Но если Хилари готова отказаться от участия в предприятии, то и он не станет этим заниматься. Лучше он уедет далеко, на край света, как можно дальше от Хилари Кэрю и от своей матери, которая всякий раз напоминает о том, какой опасности ему удалось избежать. Гнев подсказывал Генри, что опасность по-прежнему рядом, но он вовсе не хотел от нее скрываться. Хилари повела себя отвратительно – это ее собственные слова, – но он не собирался позволить ей ускользнуть из его жизни. Он оставил ее на время, поскольку был зол и она заслужила это наказание. Но как только он увидит ее смирение и раскаяние по поводу случившегося, то сразу же простит. По крайней мере так он думал днем, но когда наступала ночь, он начинал понимать, что все далеко не так просто. А если Хилари не захочет мириться? Если она на самом деле увлечена этим негодяем Безилом Монтэгю? Если... если... А если он потерял ее?

В такие минуты сон окончательно покидал его, и он уже не мог сосредоточиться на фарфоре. Генри садился на край кровати и вновь пытался понять, почему его отец женился на матери и почему мать так невзлюбила Хилари. Она унижала ее целый день, и это был последний день его пребывания в Норвуде, где он был так счастлив в течение долгих лет. Спасибо providению и старику крестному за четырехкомнатную квартиру над антикварной лавкой, ставшую прекрасным оправданием не проводить отпуск с матерью. Он собирался жить здесь вместе с Хилари.

Ну вот, опять он думает о Хилари. Его гнев обернулся против него самого, поскольку даже мимолетная встреча с ней способна вывести его из равновесия. Избрав свой путь, ты должен быть готов следовать ему, но случайная встреча с Хилари совершенно выбила его из колеи, он уже собрался отказаться от заманчивых перспектив и отправиться на край света только для того, чтобы снова оказаться рядом с ней, обнять и поцеловать ее, увезти с собой и жениться на ней. Он пал так низко, что написал ей письмо – не то письмо, где он великодушно прощает ее, следуя своему плану, но страстное послание с просьбой о примирении, объяснением в любви и предложением руки и сердца. Даже у самолюбивых молодых мужчин случаются минуты слабости. И он только что пережил такую. Обрывки этого недостойного послания лежали в камине, потихоньку исчезая в веселых огоньках пламени. И так же медленно таяли в его сознании предательские мысли.

Генри мрачно посмотрел на камин. На самом деле он ведь не видел Хилари сегодня днем. Это был лишь один дразнящий, провоцирующий, мимолетный взгляд. Ему показалось, она выглядела бледной. Его сердце сжалось при мысли, что бледность Хилари связана с болезнью, но память услужливо подсказала – ее румянец исчезал в холодную погоду. Не исключено, она увидела его раньше, чем он ее, и эту бледность вызвало смятение чувств. Но тут холодный разум сардонически произнес: «Не думаю!» Нет никакой причины воображать, будто Хилари

все еще испытывает к нему какие-то чувства. Его всегда поражала ее веселость и безудержный оптимизм. Он никогда не замечал, чтобы она бледнела или мучилась от угрызений совести, выказывая полное равнодушие к его желаниям.

В эту секунду в его сознании возникли две противоположные мысли. Одна нашептывала: «Маленькая чертовка!» – а другая повторяла: «О, Хилари, дорогая!» Нелегко разобраться в своих чувствах к девушке, если, понимая, что она покорила твое сердце, моментально вспоминаешь, что она настоящая маленькая чертовка, а желая забыть о ней навсегда, с болью ощущаешь, что она завладела твоим сердцем. Эту довольно простую дилемму невозможно решить в одиночку, но вдвоем эта задача уже не кажется такой сложной. Генри некого было попросить о помощи. Поэтому он продолжал смотреть на камин, в котором обрывки письма успели превратиться в едва различимую пыль.

Глава 8

Хилари открыла глаза и прищурилась от яркого света. Ноябрьское солнце, чересчур яркое для Лондона, находилось слишком высоко над головой. Она моргнула. Это оказалось вовсе не солнце, а свет свисавшей с потолка электрической лампочки. А она лежала не в своей постели, а в гостиной, в огромном кресле Джеффа, и на коленях у нее было что-то тяжелое. Она приподнялась, толстая папка с громким звуком рухнула на пол, и она вспомнила, что это дело об убийстве Джеймса Эвертона.

Ну конечно, ведь она просматривала его. Она прочитала все материалы дознания, а потом, должно быть, заснула, так как часы били уже семь, а сквозь плотные занавески пробивался холодный туманный свет. Она замерзла, одеревенела и не выпалась – было ощущение, что она бодрствовала всю ночь и совершенно не отдохнула.

«Ванна», – решительно сказала себе Хилари. Она потянулась, вскочила с кресла и подняла папку. В эту самую минуту дверь открылась и она увидела Мэрион, удивленно и рассерженно смотревшую на нее.

– Хилари! Что ты делаешь?

Хилари захлопнула папку. Ее смешные короткие кудряшки разлетелись в разные стороны. Она была похожа на привидение, которое забыло вовремя исчезнуть, провинившееся и растрепанное привидение. Она прошептала:

– Я заснула.

– Здесь?

– Угу.

– Ты не ложились в постель?

Хилари взглянула на свою пижаму. Она не могла вспомнить, ложились она в постель или нет. Она была не одета, на ней оказалась только пижама. Тут она начала вспоминать.

– Да, я пошла спать, но не смогла заснуть, поэтому пришла сюда.

По ее телу вновь пробежала волна дрожи, и она крепче закуталась в халат. У Мэрион снова был ледяной взгляд. Этого взгляда, казалось, достаточно, чтобы заморозить любого.

– Ты читала это? – спросила Мэрион, глядя на папку.

– Да. Не смотри так, Мэрион. Я только хотела... Я никогда не читала, как проходило дознание.

– И ты решила прочитать, чтобы удовлетворить свое любопытство? – Голос Мэрион зазвенел от гнева.

Хилари сразу же проснулась. Мэрион не должна так себя вести – ведь она просто хочет помочь. Но тут она почувствовала угрызения совести. Бедняжка, это все потому, что любое упоминание о суде выводит ее из себя. В порыве жалости она произнесла:

– Не надо так! Я действительно хотела помочь, поверь мне. Я уберу папку. Я не думала, что ты ее увидишь, и заснула нечаянно.

Мэрион подошла к окну и отдернула шторы. За окном начинался новый день, стоял туман, воздух был пропитан влагой. Она обернулась и увидела, как Хилари убирает папку. Дело Эвертона закрыто. Джефф сидел в тюрьме. А ей предстояло прожить еще один день. Она сухо произнесла:

– Пойди оденься. Я приготовлю завтрак.

Но Хилари остановилась на пороге.

– Если тебе не трудно, поговорим об этом, дорогая...

– Я не стану об этом говорить! – ответила Мэрион, и в ее голосе вновь прозвучала нотка гнева. Она уже оделась, сделала макияж и как будто сошла с ультрасовременного плаката – невероятно грациозная, слишком неестественная, но красивая, по-прежнему красивая.

Хилари поспешно продолжила:

– Есть вещи, и это на самом деле важно, о которых я хотела бы тебя спросить.

– Я не стану об этом говорить! – снова произнесла Мэрион.

Хилари больше не напоминала привидение. На лице сиял румянец, а глаза увлажнились. Яркая внешность Мэрион затуманилась, словно утонув в слезах. Но это были ее слезы, а не слезы Мэрион – та не стала бы плакать. Хилари повернулась, выбежала в свою комнату и захлопнула дверь.

После того как Мэрион ушла на работу, Хилари вымыла оставшуюся после завтрака посуду, убрала кровати, подмела пол и вычистила щеткой ковры. Это была небольшая квартира, и уборка не заняла много времени. Раз в неделю к ним приходила женщина, чтобы сделать генеральную уборку.

Покончив с делами, Хилари присела и задумалась. Она взяла бумагу и карандаш и стала записывать пришедшие ей в голову мысли.

Миссис Мерсер: почему она так много плакала? Она плакала во время дознания, судебного процесса и в поезде. Но при этом продолжала утверждать, что слышала, как Джефффри ругался с дядей. Она не должна была этого говорить. Она плакала, но не меняла своих показаний.

Это первое, что бросилось Хилари в глаза.

Затем: приходящую работницу не допрашивали в качестве свидетельницы. Она бы с удовольствием задала ей несколько вопросов. Например, о зубной боли миссис Мерсер. Было очень странно, что ее зуб разболелся как раз в тот вечер. Очень кстати, если вас мучают угрызения совести и вам хочется закрыть лицо руками и зарыдать от отчаяния. Вы можете это сделать, сказав, что у вас болит зуб, и никто не догадается об истинной причине ваших страданий.

Миссис Томпсон: вызывает всеобщее уважение, но ничего не слышит. Очень удобно иметь глухого свидетеля, когда рядом собираются застрелить человека и тебе об этом известно. Если они об этом не знали, зачем им понадобилась глухая гостья?

Во всем этом не было никакой логики, но Хилари и не считала себя рациональной. Она не стремилась следовать какому-то плану, а просто записывала те вопросы, которые возникали у нее. Глухота гостьи Мерсеров выглядела подозрительно. Кроме того, внимание Хилари привлекло то обстоятельство, что почти у каждого свидетеля были многочисленные алиби. Вспоминая прочитанное прошлой ночью, она подумала, эти люди не могли бы придумать себе более подходящие алиби, если бы только не решили позаботиться об этом заранее. И вдруг у нее в голове словно молния мелькнула мысль: «А что, если так оно и есть?»

Мистер Мерсер – Берти Эвертон – миссис Мерсер – Фрэнк Эвертон...

Миссис Томпсон была приглашена на обед именно в тот вечер. Она настолько глуха, что не расслышала выстрел, но может подтвердить: мистер Мерсер не покидал кухню, а миссис Мерсер отсутствовала не настолько долго, чтобы убить мистера Эвертона и вернуться обратно в дом. Честно говоря, Хилари и не думала, что это миссис Мерсер застрелила Джеймса Эвертона. У такой слабой и нервной особы не хватило бы смелости выстрелить даже в морскую свинку. Хилари просто не могла представить себе, как миссис Мерсер стреляет из пистолета в своего хозяина. Истеричная женщина не может в одну секунду превратиться в расчетливую, предусмотрительную убийцу. Слезливые показания миссис Мерсер могли оказаться – скорее всего, так оно и было – клубком лжи, но это не она застрелила Джеймса Эвертона.

Что ж, похоже, Мерсеры не причастны к убийству. Но братья Эвертон, Берти и Фрэнк, один в Эдинбурге, а другой в Глазго, что насчет них? Ответ на этот вопрос полностью обескураживал и умещался в одно слово – ничего. Эвертоны не давали ни одной зацепки, ни одной. Берти находился в Эдинбурге, а Фрэнк – в Глазго. Это подтверждали адвокат и горничная, которая приносила утренний чай и отвечала на звонки. К их показаниям невозможно придраться. Если бы они в течение долгих лет занимались составлением алиби, вряд ли у них

получилось бы придумать что-то более подходящее. Все было бесполезно, совершенно бесполезно. Джеффа посадили в тюрьму, и к тому моменту, когда его срок закончится, он уже будет мертв. И Мэрион тоже будет мертва. И им обоим придется уехать, чтобы попытаться начать новую жизнь в другом месте.

Хилари вздрогнула. Как это ужасно! Неудивительно, что у Мэрион такой ледяной взгляд. Конечно, Джеффри мог умереть по-настоящему, ему могли вынести смертный приговор. Прочитав свидетельские показания, Хилари задалась вопросом, почему этого не произошло. Было подано коллективное прошение. Люди жалели Мэрион, так как она ждала ребенка, а она решила, будто у присяжных появились сомнения, если они выступили с просьбой о снисхождении для Джеффри. Может, так оно и было. Возможно, они пожалели Мэрион, чей ребенок мог родиться в день казни. А он родился в тот день, когда она узнала о помиловании. Младенец умер. Мэрион находилась на волосок от смерти. А потом она вернулась, словно призрак, который стремится вновь оказаться в том месте, где когда-то был счастлив.

Хилари снова пронзила дрожь, но в этот раз она испытала отвращение. Как бы ни было тяжело, не следует отчаиваться. Если все время думать о бедах, в конце концов они сломят тебя. Нельзя так себя вести, нужно действовать. Всегда можно что-то придумать, если задаться такой целью. Хилари принялась размышлять и вдруг неожиданно поняла, что еще можно предпринять в деле Эвертона. Она должна отправиться в Патни и отыскать подходящую работницу, которую не вызывали в качестве свидетельницы.

Она спустилась вниз по дороге и села в автобус точно так же, как это сделал Джеффри Грей вечером 16 июля шестнадцать месяцев назад. Ему понадобилось всего пятнадцать – двадцать минут, чтобы добраться до Солуэй-Лодж, сойти на углу и пройти по узкой Дубовой тропинке прямо к дому. У Хилари дорога заняла около двадцати пяти минут, так как она никогда не бывала там раньше и часто останавливалась, чтобы попросить о помощи. Она решила, что не будет входить через садовую калитку. Вместо этого обошла дом и приблизилась к парадному входу. Здесь она остановилась и взглянула сквозь железную ограду на усыпанную листьями дорогу, над которой нависли мокрые, наполовину обнаженные ветви деревьев. Она не стала входить в сад, это было бессмысленно. Дом заперт, а на изгороди висело объявление о том, что Берти Эвертон желает продать поместье. От дома, в котором совершено убийство, не так-то легко избавиться, но новый хозяин, по-видимому, не терял надежды.

Хилари прошла мимо досок для объявлений и второй калитки и подошла ко входу в Садбери-Хаус. Садбери-Хаус принадлежал сэру Джону Блейкни. Миссис Томпсон была экономкой сэра Джона Блейкни, и Хилари надеялась узнать у нее полное имя и адрес подходящей работницы, которую не вызывали в суд. Калитка оказалась открыта, поэтому она вошла внутрь и направилась к дому по узкой извилистой дороге. Если Дубовая тропинка действительно выглядела просто тропинкой, то Садбери-Хаус являлся прекрасным загородным домом. Это была мощная квадратная постройка из армированного кирпича, на стенах которой алели побеги дикого винограда, ползущие вверх по солнечной стороне здания.

Хилари подошла к парадной двери и позвонила. Она подумала, что, пожалуй, следовало бы постучать в заднюю дверь, но решила этого не делать. Если она позволит всему этому сломить себя, так и случится. Она ни с чем не сможет справиться, возвращая в себе комплекс неполноценности и заходя в дом с черного хода.

Она ждала, пока ей откроют. Все очень просто: она только спросит, нельзя ли увидеть миссис Томпсон, а остальное сделает тот, кто откроет ей дверь. Ей нужно лишь поднять подбородок, крепко прикусить нижнюю губу и убедить себя в том, что нельзя быть такой трусихой.

Она оказалась права – все было очень просто. Дверь открыл грузный добродушный дворецкий. У него были превосходные манеры, и он не нашел ничего странного в ее желании повидать миссис Томпсон. Он напомнил Хилари о воздушных шарах, которые она так любила в детстве, – розовых, гладких и слегка поскрипывающих, если затянуть их слишком сильно.

Поскрипывание, исходившее от дворецкого, объяснялось тяжелой одышкой и туго накрахмаленным воротничком. Он проводил ее в некое подобие столовой и испарился с той же легкостью, что и воздушный шарик. Хилари хотелось надеяться, что он не улетит и не лопнет, а позовет миссис Томпсон. С ее воздушными шариками такое частенько случалось.

Через пять минут вошла миссис Томпсон. Она выглядела гораздо, гораздо крупнее дворецкого, но при этом вовсе не походила на шарик. Это оказалось самое внушительное человеческое создание, с которым Хилари когда-либо приходилось встречаться. От ее шагов содрогался пол. На ней было черное кашемировое платье с белым воротничком и брошью из оникса, похожей на глаз быка в золотой оправе. Над воротничком свисали складки кожи, а щеки наплывали на шею. Головной убор отсутствовал, а волосы, в которых не наблюдалось и следов седины, тщательно заплетены и уложены в косы. Контраст между этими яркими черными волосами и крупным невыразительным лицом придавал ей весьма решительный вид. Хилари сразу же поняла: перед ней человек, который никогда не меняет своего мнения. Последняя слабая надежда на то, что миссис Томпсон могла солгать во время дознания, улетучилась и превратилась в прах при виде этой впечатляюще солидной женщины. Хилари так растерялась, что, наверное, пришла бы в полное смятение, если бы ею не руководил трезвый расчет. Задыхаясь, она спросила:

– Миссис Томпсон?

Миссис Томпсон ответила:

– Да, мисс.

– Я хотела узнать... – сказала Хилари и замолчала.

Тогда миссис Томпсон вновь произнесла: «Да, мисс», – но в этот раз в ее маленьких серых глазах мелькнула тень воспоминания – по крайней мере так показалось Хилари. На щеках у нее вспыхнул яркий румянец. Она начала:

– Ах, миссис Томпсон, знаю, что вы заняты, и не хочу отвлекать вас понапрасну. Позвольте мне задать всего лишь пару вопросов.

Миссис Томпсон продолжала стоять с величественным видом. Хилари больше не казалось, что она узнала ее. Лицо экономки снова стало бесстрастным, словно у статуи. Наконец она произнесла:

– Мне знакомо ваше лицо, но я забыла имя.

– Хилари Кэрю. Я двоюродная сестра миссис Грей, миссис Джеффри Грей.

Миссис Томпсон сделала шаг вперед и рукой взялась за ухо.

– Я очень плохо слышу. Вы не обидитесь, если я попрошу вас говорить громче, мисс?

– Да, я помню.

Хилари повысила голос. Прислуга тетушки Эммелин Элиза тоже была туговата на ухо, так что у нее уже имелся такой опыт общения.

– Так лучше?

Миссис Томпсон кивнула.

– Люди уже не говорят громко и отчетливо, как раньше, но теперь все в порядке. Что вы хотели, мисс?

– Речь пойдет о деле Эвертона. Вы второй человек, который помнит, что встречался со мной в зале суда, где я была только один день. Полагаю, именно там вы меня и видели.

Миссис Томпсон снова кивнула:

– Вместе с миссис Грей, бедняжкой.

– Да, – сказала Хилари. – Ах, миссис Томпсон, он не делал этого, правда не делал.

Миссис Томпсон покачала головой.

– Я бы и сама так решила, если бы не увидела его с пистолетом в руке.

– Он этого не делал, – повторила Хилари убежденно и очень громко. – Но нам нет смысла спорить, я не для этого пришла к вам. Я хотела узнать, знакомы ли вы с приходящей работни-

цей, женщиной, которая раньше помогала миссис Мерсер в Солуэй-Лодж. Ее не было ни на дознании, ни в суде, а мне очень нужно задать ей несколько вопросов.

Миссис Томпсон не рассмеялась только потому, что была хорошо воспитана и знала правила приличия. И все же казалось, только хорошие манеры позволили ей сдержаться.

– Миссис Эшли!

– Это ее имя?

Миссис Томпсон кивнула.

– Хорошо, что ее не вызвали как свидетельницу. Никогда не встречала, да и не хотела бы встретить, более жалкое и унылое создание.

– Вы знаете, где она живет? – поспешно спросила Хилари.

Миссис Томпсон покачала головой с презрительной усмешкой. Не в ее характере осведомляться о том, где живут такие жалкие женщины, которые в наши дни никому не интересны.

Хилари побледнела от разочарования.

– Ах, миссис Томпсон, но мне очень, очень нужно ее найти.

Миссис Томпсон задумалась.

– Если бы она могла что-то рассказать, полиция вытянула бы из нее это и вызвала бы как свидетельницу. А она, скорее всего, закатила бы истерику в суде. Я считаю, люди должны научиться контролировать себя, а миссис Эшли этого не умеет. И у меня нет ее адреса, мисс, я слышала о ней только от миссис Мерсер, но вы можете поинтересоваться у зеленщика Смита. Он живет в третьем доме от поворота на Хай-стрит. Это миссис Смит рекомендовала ее миссис Мерсер, когда той понадобилась помощница. Не скажу, что она плохо справлялась с работой, хотя я бы не взяла ее к себе в дом.

Хилари покинула миссис Томпсон в приподнятом настроении. Миссис Смит скажет ей адрес миссис Эшли, и, возможно, ей удастся выведать какую-нибудь информацию, чтобы помочь Джеффу. Она и не ожидала услышать что-то важное от миссис Томпсон, которая наверняка рассказала все во время допроса и суда. Если ни на что не рассчитывать, тебе не грозит разочарование. Миссис Томпсон была уверена, что это сделал Джефффри, но ведь она не знала Джефффри. Она могла только повторить то, что уже говорила в суде, закончив свою речь фразой: «Я увидела его с пистолетом в руке». Хилари решила не огорчаться и не впасть в уныние.

Найти лавку зеленщика оказалось несложно. Крепкая и энергичная миссис Смит дала ей адрес миссис Эшли, по всей видимости решив, что ей нужна приходящая работница. «Уверена, мадам, вам понравится миссис Эшли, она прекрасно справляется по дому. Леди, которым я ее рекомендовала, всегда были очень довольны. Пинмэнс-лейн, 10. Вам нужно свернуть за угол, а затем второй поворот налево и третий направо. Заблудиться невозможно. Она наверняка дома. Она заходила около получаса назад по пути домой. Дама, у которой она служит, уехала, и ей приходится только проветривать дом».

Район Пинмэнс-лейн показался Хилари очень мрачным. Старые развалюхи с крошечными окошками. Она постучала в дверь дома номер 10. Тишина. Она постучала снова. Кто-то стал спускаться по лестнице, и в следующую минуту Хилари услышала шаги и поняла, почему миссис Томпсон отзывалась о миссис Эшли с таким презрением. У нее была медленная, неуверенная, немного шаркающая походка. Должно быть, Джеймс Эвертон испытывал симпатию к неудачницам, так как миссис Мерсер тоже была из их числа. Или же, у Хилари возникла неожиданная догадка, предпочитал руководить безвольными и зависимыми женщинами? Она продолжала размышлять об этом, когда дверь открылась и на пороге появилась миссис Эшли. Она поправила тусклые волосы, упавшие на увядшее лицо, и недоумевающе уставилась на Хилари. Когда-то она была хорошенькой девушкой со светлыми волосами и бледно-голубыми прозрачными глазами. Черты лица – мелкие и правильные, но румянец давно исчез с ее щек, и теперь кожа землистого оттенка стала морщинистой. Ей могло быть как тридцать пять, так и пятьдесят пять. Угадать невозможно.

Хилари произнесла: «Можно войти?» – и решительно направилась мимо нее в комнату справа. Она поняла, что не дождется приглашения, но нельзя же было обсуждать дело Эвертона во всеуслышание, стоя на пороге, рядом с соседскими домами.

Комната производила удручающее впечатление. Старый линолеум на полу с выдранными кусками и потрепанными краями, ковер, который выглядел так, будто его подобрали на помойке, и диван со сломанными пружинами и торчащими пучками конского волоса. Рядом стоял деревянный стул с прогнувшейся плетеной спинкой и покрытый выдавшей виды красной шерстяной скатертью стол.

Хилари остановилась возле стола в ожидании, пока миссис Эшли закроет дверь и войдет в комнату.

Глава 9

Миссис Эшли была перепугана до смерти. Хилари подумала, что никогда в жизни ей не приходилось видеть такого до нелепости испуганного человека. Это выглядело абсурдно, так как на самом деле ей ничто не угрожало. Нет никакой причины трястись от страха, если когда-то вам довелось работать в доме, где произошло убийство, и теперь к вам пришли, чтобы задать несколько безобидных вопросов. Но бедная миссис Эшли по-прежнему стояла с открытым ртом, а в ее глазах трепетал ужас.

– Я двоюродная сестра миссис Грей, – решительно повторила Хилари.

Миссис Эшли издала какой-то звук, но его смысл был непонятен.

Хилари топнула ногой. Сейчас она могла бы перевернуть весь мир.

– Миссис Джефффри Грей – жена Джефффри Грея. А я ее двоюродная сестра. Я бы хотела задать вам пару вопросов. Миссис Эшли, почему вы так напуганы?

У миссис Эшли перехватило дыхание и задрожал подбородок. Она прикрыла рот рукой.

– Я ничего не знаю. И ничего не могу рассказать.

Хилари старалась сдерживаться. Если она потеряет терпение, все будет испорчено. Тихим голосом, каким разговаривают с выжившими из ума людьми, она сказала:

– Вам нечего бояться. Я хотела расспросить вас о миссис Мерсер.

Похоже, ее слова возымели действие. Миссис Эшли убрала руку ото рта, облизнула побледневшие губы и произнесла слабым, задыхающимся голосом:

– Миссис Мерсер?

– Да. Вы помогли ей в Солуэй-Лодж, не так ли? Она жаловалась вам на зубную боль в день, когда застрелили мистера Эвертона?

– Нет, мисс, ничего такого не было.

Было очевидно, что этот вопрос показался ей легким и не вызвал затруднения.

– Вы знали, что у нее болит зуб?

– Нет, мисс, не знала.

– Вы не знали, что она страдает от зубной боли?

– Нет, мисс.

– Наверное, вы часто разговаривали?

– Иногда она говорила со мной, а иногда нет, – ответила миссис Эшли, – особенно если мистер Мерсер был неподалеку. Но когда мы оказывались вдвоем, она рассказывала, что много лет назад служила в доме у моря. Миссис Мерсер часто вспоминала тот дом. Там жила женщина с маленьким мальчиком, а хозяин дома часто отсутствовал. И еще был младенец, но чаще всего она рассказывала о мальчике.

Миссис Эшли перевела дыхание. Похоже, разговор на эту тему придал ей уверенности в себе, и она больше не выглядела как загнанная в угол жертва.

Хилари решила, что пора вернуться от воспоминаний миссис Мерсер к самой миссис Мерсер.

– Значит, вы не знали, что у нее болит зуб?

– Нет, мисс.

Хилари поняла: вопрос о зубной боли исчерпан.

– В котором часу вы ушли 16 июля?

На лице миссис Эшли вновь возникло испуганное выражение. Часто моргая от страха, она ответила:

– Я выпила чаю и ушла как обычно.

Почему она так изменилась?

– А в котором часу это было? – спросила Хилари.

Миссис Эшли открыла и закрыла рот. Она выглядела ужасно, словно пойманная на крючок рыба.

– В шесть часов, – почти бесшумно выдохнула она.

– Вы никого не встретили по дороге домой?

Миссис Эшли покачала головой.

– Может быть, вы что-то слышали?

Миссис Эшли еще больше побледнела, у нее забегали глаза, но она снова покачала головой.

Разозлившись, Хилари сделала шаг вперед и произнесла со всей суровостью, на какую способна двадцатидвухлетняя девушка:

– Миссис Эшли, ведь вы что-то слышали. Нехорошо с вашей стороны утверждать обратное – я вижу, что это неправда. Если вы не расскажете, мне придется обратиться в полицию.

Страх полностью овладел миссис Эшли, она задрожала и оперлась на край стола, чтобы не упасть.

– Я ушла в шесть, клянусь вам.

Хилари решила не отступать:

– Но вы ведь вернулись, миссис Эшли. Вернулись?

Этот вопрос лишил собеседницу последних сил.

Женщина разрыдалась, рухнув на колени у стола и закрыв лицо руками. Едва шевеля губами, она невнятно залепетала:

– Я пообещала ей, что никому не скажу, буду молчать. Я дала ей обещание, поклялась никому не говорить. Я сказала полиции, что ушла, как всегда, в шесть. Я не должна отказываться от своих слов. Ведь это правда. Я ушла в это время. Никто больше не задавал мне вопросов, кроме той бедной женщины. И я дала ей клятву, что никому не расскажу. И я буду молчать.

Хилари почувствовала озноб и замешательство. В комнате были слышны только рыдания миссис Эшли. Она отпустила стол и, согнувшись рядом с одной из покосившихся ножек, раскачивалась из стороны в сторону, захлебываясь от слез.

– Миссис Эшли, послушайте меня! О чем вы говорите? Кому вы обещали молчать?

– Я буду молчать, – повторила миссис Эшли, шмыгая носом. – Приходила полиция. Не знаю, как я это выдержала. Но я никому не скажу.

– Кому вы обещали молчать? Вы должны назвать мне имя.

Рыдания миссис Эшли усилились.

– Она была здесь, и я ей рассказала. Она села вот на этот стул и взяла с меня обещание молчать. Пока не родится ребенок. Я обещала, и сдержала слово.

Она смахнула волосы с лица трясущейся рукой и взглянула с гордостью на Хилари.

– Я никому не сказала. Только ей. Только миссис Грей.

Хилари опустилась на растрескавшийся пол, чтобы заглянуть миссис Эшли в глаза.

– Что вы слышали? – спросила она тихо.

Миссис Эшли вновь зарыдала. Голос Хилари понизился до шепота:

– Расскажите, миссис Эшли, расскажите. Я должна знать. Теперь это никому не причинит вреда. Джефф в тюрьме. Дело закрыто. Я – двоюродная сестра Мэрион, вы можете мне рассказать. Видите, я же знаю, что вы вернулись. Я должна знать, что произошло.

Она подняла руку и прикоснулась к запястью женщины.

– Миссис Эшли, зачем вы вернулись?

– Я потеряла письмо.

– Какое письмо?

– У меня есть сын. Он моряк. Ему семнадцать лет, и это его первый рейс. Он написал мне из Индии. Я взяла письмо, чтобы показать миссис Мерсер. Мы часто говорили о моем сыне.

И о том мальчике, которого она так любила, когда служила у первых хозяев. А когда я пришла домой, письма не оказалось, поэтому я вернулась.

– Что было дальше? – спросила Хилари.

Миссис Эшли откинула назад прядь светлых волос.

– Мистер Мерсер сжег бы его или порвал. Он на это способен. Не знает материнского сердца. Он жестокий человек. Мы много раз говорили об этом с миссис Мерсер, когда его не было поблизости. Я не хотела оставлять это до следующего дня и вернулась. Я знала, где обронила его. Мистер Эвертон ушел, и я убирала в кабинете. Вошла миссис Мерсер, я прочитала ей письмо. А потом в спешке засунула его в карман, так как мы услышали шаги мистера Мерсера. Должно быть, оно выскользнуло. Это было рядом со шторами, и я надеялась, что его никто не успел найти. Поэтому я хотела подождать, пока мистер Эвертон пойдет обедать, и направилась к кабинету.

– Да! – воскликнула Хилари. – Что же дальше?

Миссис Эшли перестала плакать. Она по-прежнему хлюпала носом и вздыхала, но силы понемногу возвращались к ней.

– Я подумала, что не стану никому говорить о своем возвращении. В такой теплый вечер окно в кабинете должно быть полностью открыто. Мне оставалось только протянуть руку и забрать письмо, если бы оно было там. А если нет, мне пришлось бы ждать следующего дня, чтобы спросить у миссис Мерсер.

Она запнулась, задрожала и со страхом посмотрела на Хилари.

– Я подождала, пока мистер Эвертон уйдет ужинать, и подошла к дому. Но когда мне оставался один или два ярда до окна кабинета, я услышала, как мистер Эвертон закричал, а потом звук выстрела. Я развернулась и убежала.

Она опять зарыдала.

– Я никого не видела, и никто не видел меня. Не помню, как я добралась до дома. Ничего не помню.

Хилари чувствовала себя так, будто кто-то плеснул ей в лицо ледяной воды. Каждый мускул ее тела был напряжен, но внешне она оставалась спокойной. Внутренний голос твердил: «Время, время, когда она услышала выстрел, вот что важно, время, время выстрела». Громко и решительно она задала этот вопрос.

– В котором часу это было? Во сколько вы слышали выстрел?

Миссис Эшли перестала дрожать, приоткрыла рот и стала вспоминать.

– Когда я шла по Уокли-роуд, часы пробили...

– Да-да?

– Они пробили восемь часов.

Хилари издала глубокий радостный вздох. От Уокли-роуд до Солуэй-Лодж всего пять минут ходьбы. То есть Джефф добирается оттуда за пять минут. Женщина способна пройти это расстояние за семь-восемь минут, но такой рохле, как миссис Эшли, понадобятся все десять. Однако если миссис Эшли слышала выстрел в десять минут девятого, значит, стрелял не Джеффри Грей. Джефф не мог оказаться в Солуэй-Лодж раньше четверти девятого, и даже в этом случае ему необходимо было какое-то время, чтобы встретиться и затеять ссору с дядей, если верить свидетельству миссис Мерсер. Дрожащим голосом она произнесла:

– Значит, вы не могли слышать выстрел позже десяти минут девятого?

Миссис Эшли присела на корточки и устала на Хилари. Уронив руки на колени, она ответила слабым голосом:

– Нет, мисс, вы правы, это не могло произойти позже.

У Хилари бешено застучало сердце.

– Это очевидно. Вы же не могли идти от Уокли-роуд больше десяти минут?

– Нет, мисс.

– Значит, в момент выстрела было не больше десяти минут девятого.

Миссис Эшли открывала и закрывала рот, совсем как рыба. Затем своим тихим кротким голосом она произнесла:

– Было немногим больше десяти минут девятого.

– Как же это возможно?

Она снова облизнула губы.

– На часах было примерно на десять минут больше, когда я вышла из дома.

– Куда вышли?

Миссис Эшли моргнула.

– Дорога занимает около получаса.

– Вы хотите сказать, что часы отставали?

– Примерно на десять минут.

Сердце Хилари упало. Вся ее радость улетучилась. Неудивительно, что Мэрион попросила эту женщину держать язык за зубами. Если она действительно слышала выстрел в двадцать минут девятого, ее показания означали бы смертный приговор для Джеффа. Она постаралась отогнать от себя образ Мэрион, прекрасной гордой Мэрион, которая на коленях упрашивает эту женщину сохранить тайну и дать Джеффу шанс, один-единственный шанс избежать виселицы. Сжав руки, она спросила:

– Миссис Эшли, вы уверены, что часы отставали на десять минут?

– На десять минут, мисс. Я много раз предупреждала об этом миссис Мерсер. «Ваши церковные часы ни на что не годятся, – говорила я ей. – Хорошо, если у вас есть наручные часы, но я-то столько раз попадалась на этот обман». Мне сказали, что теперь они идут верно, но сейчас я не хожу той дорогой и не знаю этого наверняка.

– Вы слышали еще что-нибудь, кроме выстрела?

Хилари ужасно боялась задавать этот вопрос, но она должна была это сделать или признать себя трусихой. Она сразу же поняла, что ее страх вполне обоснован. В глазах миссис Эшли мелькнул ужас, и она снова закрыла рот дрожащей рукой. Хилари тоже стало не по себе.

– Что вы слышали? Вы ведь слышали что-то, я это вижу. Вы слышали голоса?

Миссис Эшли качнула головой. Хилари решила, что это движение означает: «Да».

– Вы слышали голоса? Чьи голоса?

Слова с трудом вылетали из полузакрытого рта, но Хилари услышала ответ.

– Мистера Эвертона.

– Вы слышали голос мистера Эвертона? Вы уверены?

В этот раз движение головой было похоже на судорогу. Если миссис Эшли и была в чем-то уверена, так это в том, что она слышала голос мистера Эвертона.

– Вы слышали голос того, кто был с ним?

Еще один кивок, означающий: «Да».

– Чей это был голос?

– Не знаю, мисс, клянусь, не знаю. Я и миссис Грей сказала то же самое, когда она приходила и спрашивала меня, бедняжка. Я только могу сказать, что там был еще кто-то и он ругался с мистером Эвертоном.

Ругался... Хилари будто нож в сердце вонзили. Ужасное свидетельство против Джеффа, еще одно подтверждение показаний миссис Мерсер. И его не станешь считать купленным или состряпанным, ведь эта женщина не преследует никакой выгоды. И она не проболталась. Она пожалела Мэрион и никому ничего не сказала.

Хилари перевела дыхание и заставила себя спросить:

– Вы слышали, о чем говорил другой человек?

– Нет, мисс.

– Но вы узнали голос мистера Эвертона?

– Да, мисс.

– И вы слышали, что он сказал? – Хилари давила на миссис Эшли.

– Да, мисс.

Ее голос вновь перешел на рыдания, а из глаз хлынули слезы.

Хилари удивляло обилие слез, но при этом она оставалась спокойной в пугающем ожидании ответа на вопрос, что сказал мистер Эвертон. Она услышала собственный шепот:

– Что же он сказал? Вы должны сообщить мне, что вы слышали.

И тогда миссис Эшли, закрыв лицо руками, простонала:

– Он сказал, ах, мисс, он сказал: «Мой родной племянник!» Вот что я слышала, мисс. «Мой родной племянник!» А потом выстрел, и я убежала, спасая свою жизнь, вот и все. Я пообещала бедняжке миссис Грей, я поклялась, что никому не скажу.

Хилари ощутила внутри ледяную пустоту.

– Теперь это не важно, – ответила она. – Дело закрыто.

Глава 10

Хилари плелась по Пинмэнс-лейн, и на душе у нее было тяжелее, чем прежде. Бедная Мэрион, бедная, бедная Мэрион. Она пришла сюда, лелея искру надежды, как и Хилари, но услышала те же ужасные слова, что и она сегодня. Однако для Мэрион это было гораздо мучительнее, невероятно, ужасно мучительно. Ей не нужно знать о поездке Хилари. Она должна и дальше верить, что миссис Эшли никому не рассказала о случившемся, так как ее показания стали бы смертным приговором для Джеффри.

Она завернула за угол Пинмэнс-лейн и направилась обратно той же дорогой, которой пришла сюда. Разве лучше сохранить жизнь человеку, на долгие годы засадив его в тюрьму, где его ждет медленное, мучительное умирание? Может быть, смертный приговор стал бы облегчением, облегчением для Джеффа и для Мэрион тоже? Она гнала от себя эту мысль. Смерть не решение проблемы. Она вздрогнула и вернулась к реальности.

Должно быть, она свернула не туда. Сейчас она находилась на совершенно незнакомой улице. Конечно, она помнила не все улицы, где ей случалось бывать, но эту она точно никогда не видела. Маленькие, недавно построенные дома с незавершенной отделкой. Соседние дома имели общую стену, но одно здание была выкрашено в бледно-зеленый цвет, а другое – в желто-коричневый. Красные занавески в окне жильцов одного дома контрастировали с ярко-голубой парадной дверью соседей, а черепица на крышах имела разную форму и расцветку. Вся улица состояла из ярких новостроек, похожих на только что распакованные и выставленные в ряд рождественские игрушки.

Как раз в тот момент, когда ей в голову пришло это сравнение, она услышала позади себя шаги и поняла: кто-то уже давно преследует ее. Эти шаги появились сразу же после того, как она свернула с Пинмэнс-лейн. Да, вероятно, это началось именно тогда, но она не придавала этому значения. Теперь она стала прислушиваться и немного ускорила шаг. Шаги сзади не отставали. Обернувшись, она увидела мужчину в плаще от «Берберри» и коричневой фетровой шляпе. На нем был толстый коричневый шарф, тщательно обмотанный вокруг шеи. Между полями шляпы и шарфом виднелись правильные черты лица, чисто выбритая кожа над верхней губой и светлые глаза. Она быстро отвернулась, но слишком поздно. Он снял шляпу и подошел к ней:

– Извините, мисс Кэрю.

Звук собственного имени испугал ее настолько, что она сразу же забыла обо всех правилах. Если с вами заговаривают на улице, просто продолжайте двигаться, как если бы ваших собеседников не существовало. Лучше всего сохранять ледяное выражение лица и ни в коем случае не поддаваться испугу или смущению. У Хилари ментально все это вылетело из головы. На щеках вспыхнул яркий румянец, и она ответила:

– Что вам нужно? Мы не знакомы.

– Нет, мисс, извините, но я хотел бы перемолвиться с вами словечком. Мы ехали вместе в поезде вчера, и я сразу же узнал вас, но вы, разумеется, не обратили на меня внимания, потому что едва ли разглядели.

У него были манеры прислуги высшего ранга, воспитанного и почтительного. А его «мисс» звучало обнадеживающе.

Хилари переспросила:

– В поезде? Вы говорите о вчерашнем дне?

– Да, мисс. Мы ехали в поезде вместе с вами, я и моя жена. Вчера, в поезде на Ледлингтон. Не думаю, что вы помните меня, так как я довольно долго отсутствовал в купе, но, возможно, вы запомнили мою жену.

– С какой стати? – спросила Хилари, с недоумением взглянув на него. Ее яркие прозрачные глаза казались по-детски наивными.

Мужчина посмотрел мимо нее.

– Что ж, мисс, две женщины наедине в вагоне поезда; мне показалось, вам удалось побеседовать.

Сердце Хилари забилося быстрее. Мерсер, это Мерсер. Он думал, что она разговаривала с миссис Мерсер в поезде и та о чем-то рассказала ей. Она сомневалась, что он узнал ее вчера. Хотя и мог бы ее вспомнить. Миссис Мерсер узнала, и миссис Томпсон тоже, но пока Мерсер находился в купе, она сидела, уставившись в окно, а после его возвращения вышла в коридор и стояла там, пока не сошла в Ледлингтоне. Он посторонился, чтобы дать ей пройти, и в этот момент мог узнать, но она уверена: этого не произошло. Если бы он узнал ее и захотел о чем-нибудь спросить, то, наверное, вышел бы в коридор. Нет, он вытянул ее имя у своей несчастной, забитой жены после их встречи и теперь хотел знать, о чем они говорили. Она могла только догадываться, как ему удалось найти ее. Размышляя об этом по прошествии времени, она предположила, что он, видимо, находился в Солуэй-Лодж по какому-либо делу, касающемуся его самого или Берти Эвертона. Вполне вероятно, он видел, как она заглядывала через ворота, или следил за ней от самого дома. От этих подозрений у нее по спине поползли мурашки. Чтобы избежать паузы, она быстро ответила:

– Ах да, мы поговорили немного.

– Извините, мисс, надеюсь, жена не причинила вам лишних хлопот. Обычно она довольно молчаливая, иначе я не оставил бы ее наедине с незнакомым человеком. Но, вернувшись в купе, я заметил, что она вышла из равновесия. А увидев сегодня, как вы заворачиваете за угол, я решил взять на себя смелость и извиниться, если она позволила себе сказать или сделать что-то оскорбительное. Обычно она ведет себя тихо, бедняжка, но в тот раз я видел, как она разволновалась. Мне не хочется думать, что она могла обидеть молодую леди, имеющую отношение к дому, где мы служили.

Хилари вновь взглянула на него. Весьма уверенный в себе, обходительный мужчина, но ей не понравились его глаза. Неопределенного цвета, они пристально глядели на собеседника без тени эмоций. Она вспомнила, как миссис Мерсер плакала в поезде, и подумала: мужчина с такими глазами может запросто ударить женщину. Наконец она спросила:

– Вы служили у мистера Эвертона в Солуэй-Лодж?

– Да. Очень печальный случай, мисс.

Они шли рядом мимо ярких игрушечных домиков. Хилари подумала: «Я бы предпочла жить в одном из этих домов, чем под сенью тех мокрых деревьев в Солуэй-Лодж». Все вокруг чистое и новое. В этих домах еще не поселились ошибки, безрассудства, преступления, любовные интрижки и ненависть. Крошечные веселые комнатки. Крошечный милый садик, где они с Генри могли бы любоваться своими великолепными бархотками, кентерберийскими колокольчиками и тунбергиями.

Но теперь у них с Генри никогда не будет своего дома. Слова Мерсера слабым эхом прозвенели у нее в голове: «Очень печальный случай».

Она дважды моргнула и ответила:

– Вы правы.

– Очень печально. У моей жены не все в порядке с головой, и она никак не может забыть о случившемся, мисс. Мне очень жаль, если она причинила вам беспокойство.

– Нет, она не побеспокоила меня. – Ее голос звучал отстраненно, она пыталась вспомнить, как миссис Мерсер произнесла: «Ах, мисс, если бы вы только знали». Эти слова не давали ей покоя. Если бы она только знала – что? Что именно она должна была узнать?

Она не заметила, как Мерсер пристально взглянул на нее и быстро отвел взгляд, но его голос пробивался сквозь ее размышления.

– У нее плохое здоровье, мисс. Мне неудобно об этом говорить. Это мешает ей здраво рассуждать об этом деле, она выходит из равновесия и сама не понимает, что делает.

– Мне жаль, – ответила Хилари. Она пыталась вспомнить, о чем еще говорила миссис Мерсер. «Я хотела встретиться с ней». С ней – это с Мэрион, с бедняжкой Мэрион во время судебного процесса. «Мисс, если раньше во всем, что я говорила, не было ни слова правды, то теперь я не лгу. Я хотела с ней встретиться. Я ускользнула от него и вышла из здания суда».

Мерсер продолжал:

– Значит, она не сказала ничего из того, о чем не следовало говорить, мисс?

– Нет, – ответила Хилари довольно рассеянно. Она не осознавала, что говорит. Она думала о том, почему миссис Мерсер старалась ускользнуть от мужа во время судебного процесса над Джеффом, которого обвиняли в убийстве, а миссис Мерсер выступала в качестве главной свидетельницы обвинения. Миссис Мерсер пыталась встретиться с Мэрион, но безуспешно. «Мисс, если раньше во всем, что я говорила, не было ни слова правды, то теперь я не лгу. Я хотела с ней встретиться». В ее памяти всплыли нотки ужаса, сквозившие в голосе миссис Мерсер, и пристальный взгляд ее прозрачных испуганных глаз, когда она прошептала: «Если бы только она встретила со мной», – а потом: «Она не встретила со мной. Отдыхает – вот что мне сказали. А потом он вернулся, и у меня больше не оказалось такой возможности. Он об этом позаботился». Тогда она не обратила внимания на эти слова. Но теперь они приобрели для нее смысл. О чем хотела рассказать миссис Мерсер? Что изменилось бы, если бы бедняжку Мэрион не уговорили немного отдохнуть?

Мерсер продолжал что-то говорить, но она не слушала его. Наконец она перестала думать о той встрече в поезде и повернулась к нему с неожиданной решимостью:

– Вы были свидетелем на судебном процессе против мистера Грея, вы оба выступали как свидетели?

Он опустил глаза.

– Да, мисс. Это было очень нелегко для меня и для миссис Мерсер. Миссис Мерсер так и не оправилась после того случая.

– Вы верите, что мистер Грей совершил это преступление?

Этот вопрос сорвался с губ Хилари совершенно неожиданно.

Мерсер взглянул на мостовую. В его голосе звучал вежливый упрек:

– Так решили присяжные, мисс. Мы с миссис Мерсер только выполняли свой долг.

Что-то внутри Хилари взорвалось с такой силой, что она почти полностью утратила самоконтроль. Она почувствовала дикое, непреодолимое желание расцарапать Мерсеру его холеное лицо и обвинить во лжи. К счастью, «почти» не означает «полностью». Молодая воспитанная девушка не станет бить дворецкого на улице, это просто не принято. Ее бросало то в жар, то в холод, и она немного ускорила шаг. Новая дорога сменилась старой, впереди уже был слышен шум оживленной улицы. Больше всего ей хотелось сесть в автобус и навсегда забыть о Патни и чете Мерсер.

Он по-прежнему шел рядом, продолжая говорить о своей жене.

– Не стоит ворошить старое, это только принесет неприятности всем, кто в этом замешан. Я не раз говорил об этом миссис Мерсер, но поскольку у нее нелады с головой – доктора говорят, что от нервов, – она продолжает твердить о данном деле и винит себя за то, что ей пришлось давать показания. Но я предупредил ее: «Ты обязана рассказать все, что знаешь, и не твоя вина, если это кому-то навредит. Ты не можешь солгать под присягой в зале суда, просто не можешь. Ты должна рассказать все, что видела и слышала, а остальное решать присяжным и судье». Но она продолжает твердить о случившемся, и я не знаю, что с ней делать. Я рад, что она не доставила вам беспокойства, мисс. Хотя уверен: вы отнеслись бы с пониманием к бедняжке, у которой не все в порядке с головой.

– Разумеется, – ответила Хилари.

Спасительная улица была совсем близко. Хилари шла быстрее и быстрее. Мерсер по меньшей мере раз шесть упомянул о душевном расстройстве своей жены. По-видимому, он очень хотел, чтобы она в это поверила. Интересно почему. И вдруг ей показалось, что она знает. Она решила, что, если он скажет об этом еще раз, она просто закричит.

Они вышли на Хай-стрит, и Хилари облегченно вздохнула.

– Всего хорошего, – сказала она. – Я поеду на автобусе.

Она так и поступила.

Глава 11

Хилари ехала в автобусе и продолжала размышлять. Она думала о Мерсерах. Сомнения одолевали ее. Возможно, миссис Мерсер не в себе, а может быть, и нет. Мерсер уж слишком старался убедить ее в том, что у его жены не все в порядке с головой. Он повторял это каждые пять минут. Нечто похожее есть у Шекспира: «Похоже, леди возражает слишком сильно». Вот так же и мистер Мерсер вел себя в отношении миссис Мерсер: говорил об этом слишком много, и у вас невольно возникало ощущение, что он чересчур усердствует. «Трех раз достаточно, чтобы тебе поверили» – так сказал Льюис Кэрролл в «Охоте на сарка». Альфред Мерсер следовал этому совету. Если он станет постоянно всем рассказывать, будто миссис Мерсер тронулась головой, в конце концов ему поверят и, как бы ни разворачивались события дальше, никто не будет обращать внимания на ее слова.

В череду этих важных размышлений вдруг вклинились дурацкие стишки:

Если б у меня был муж, как у миссис Мерсер,
Я б хотела, чтоб служил он стюардом в море,
Чтоб не жили мы бок о бок вместе,
Чтобы плавал он на морском просторе.

Она испытывала беспричинную неприязнь к Мерсеру. Но это не означает, что он говорит неправду. Можно не любить человека, но при этом не сомневаться в его честности. Подумав, Хилари решила постараться быть беспристрастной. Возможно, Мерсер говорит правду и у миссис Мерсер проблемы с головой, но, с другой стороны, может статься, он лжет, а миссис Мерсер всего лишь жертва, неудачница, напуганная бедная женщина, которая обладает какой-то информацией. Если есть хотя бы один шанс на тысячу, что это на самом деле так, необходимо действовать.

Хилари принялась обдумывать свои дальнейшие действия. Мерсеры вышли из поезда в Ледлингтоне. Конечно, она может отправиться в Ледлингтон и попытаться отыскать миссис Мерсер, но она понятия не имела, как вести поиск незнакомого человека в незнакомом месте. Ей нужен тот, с кем она могла бы посоветоваться. Как можно принимать важные решения в одиночку? В такие минуты рядом обязательно должен быть человек, который в ответ на ваши соображения произнесет громкое и внушительное «чепуха», а затем, устроившись на каминном коврике, начнет цитировать законы, сохраняя беспристрастность ко всем доводам и возражениям. На это был способен только Генри. Но она, скорее всего, никогда его не увидит. Вздыхнув, Хилари стала смотреть в окно автобуса. В мире слишком много страданий. Она даже и вообразить себе не могла, что когда-нибудь затоскует по Генри и его формулировкам законов. Но какой толк думать о Генри, если они больше не встретятся и она не сможет спросить у него совета.

Хилари вздрогнула и выпрямилась. А что мешает ей спросить совета у Генри? Они же были друзьями. Они собирались пожениться и даже обручились, а потом поняли: женитьба не входит в их планы, – и разорвали помолвку. Если следовать логике, следующим шагом могло быть возвращение к дружбе. Очень глупо навсегда отказываться от общения с мужчиной только потому, что раздумала выходить за него замуж.

Часто вздыхая и стараясь оставаться невозмутимой, Хилари решила поехать к Генри и посоветоваться с ним. Ей просто необходимо поговорить с кем-нибудь, но она не может взвалить это на Мэрион. Она попытается вести себя спокойно и дружелюбно. Во время их последней ссоры ее лицо побагровело от гнева. Она топала ногами и почти кричала на Генри. Но это потому, что он все время говорил сам, не давая ей вставить ни единого словечка. Будет

разумно показать ему, как она умеет себя вести: сдержанно и достойно, вежливо, но равнодушно и учтиво.

Она вышла из автобуса, чтобы пройти пешком. Предстояло встретиться с Генри, хотя всего полчаса назад ей казалось: она его больше никогда не увидит. Она посмотрела на часы: половина первого. А если Генри ушел на ленч? Наверно, так оно и есть. «Я ведь могу встретиться с ним в другой раз, не так ли?» Хилари почувствовала на сердце такую тяжесть, будто на нее взвалили непосильную ношу. Легче смириться с мыслью, что они с Генри больше никогда не встретятся, чем не застать его как раз в тот момент, когда ей так нужно поговорить с ним. «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть он будет на месте!»

Она свернула за угол и на другой стороне оживленной Фулем-роуд увидела магазин Генри, который тот унаследовал от своего крестного отца, хотя до сих пор не решил, что будет делать с ним дальше. Сердце Хилари громко застучало, ведь они с Генри собирались после свадьбы жить вместе в квартире над магазином. Возможно, Фулем-роуд не похожа на Эдем, но в сознании многих людей она ассоциируется с романтикой. Здесь Генри впервые поцеловал Хилари и спросил, будет ли она жить с ним в квартире над магазином. И Хилари тоже поцеловала его и ответила согласием. В ту минуту шумная многолюдная улица превратилась в их собственный маленький рай.

Хилари еще раз повторила, что она совершенно спокойна и невозмутима. Она перешла дорогу и взглянула на вывеску: «Генри Юстатиус. Антиквариат». Ей пришлось задержаться у витрины, так как с коленями стало твориться нечто странное. Должно быть, они не подозревали о ее внутреннем спокойствии. Они тряслись. Не может же она предстать перед Генри с трясущимися коленями. Она старательно разглядывала витрину и вдруг заметила, что ковер Ферагхан, который они собирались положить у себя в столовой, исчез. Раньше он висел на левой стене, и они все время шутили: Генри говорил, что, если какой-нибудь покупатель спросит цену, он назовет тысячу фунтов стерлингов, а она утверждала, что у него не хватит на это духу. У нее предательски заныло сердце. Ковра больше нет. Это был ковер для их столовой, а теперь его больше нет. Генри продал его какой-нибудь другой счастливой паре. Она ощутила себя одинокой, ограбленной и бездомной. Это был ее ковер для столовой, а Генри его украл.

Впервые она по-настоящему поняла, что между ними все кончено. Ей казалось невозможным войти в магазин, встретиться с Генри и при этом оставаться спокойной и безучастной. Но и вернуться на другую сторону Фулем-роуд она тоже не могла. И пока рассматривала в витрине мозаичный стол с красными и белыми шахматными фигурами, комод времен королевы Анны и набор испанских стульев с высокими спинками, она заметила какое-то движение в темном углу, где за позолоченной кожаной ширмой находилась потайная дверь. Оттуда вышел Генри с мужчиной.

Хилари захотелось убежать, но ноги будто приросли к земле. Она не осмеливалась взглянуть на Генри и поэтому смотрела на другого мужчину. Он казался ниже Генри, но это только казалось. Человек был среднего роста и сложения, стройный, бледный, с неправильными чертами лица, зеленовато-коричневыми глазами и длинными, небрежно уложенными рыжими волосами. Мягкий шейный платок свисал в виде банта, какой редко увидишь в наши дни. Костюм у него тоже оказался необычного, карикатурного покроя. Синевато-серый костюм и розовато-лиловый бант. Хилари подумала, что никогда раньше не встречала человека с розовато-лиловым бантом, который совершенно не сочетался с его рыжими волосами, но зато подходил к цвету носового платка. Она принялась рассматривать его только потому, что не хотела смотреть на Генри, но неожиданно он полностью завладел ее вниманием. Это был Берти Эвертон. Она встречалась с ним один лишь раз, во время суда над Джеффом, но он относился к тем людям, кого, однажды увидев, невозможно забыть. Ни у кого в мире больше не было таких волос.

Генри что-то говорил, когда они вошли в магазин. Он указал на высокий бело-голубой кувшин, и оба мужчины повернулись, чтобы рассмотреть его. Хилари быстро оглядела их. Мельком взглянув на Берти Эвертона, она остановилась на Генри. Он рассказывал с воодушевлением – формулировал закон, решила Хилари, – но выглядел бледным, намного бледнее, чем в тот день, когда она видела его в последний раз, не считая вчерашней мимолетной встречи на вокзале. Конечно, во время их последнего разговора, именно разговора, они ссорились, а гнев всегда заставляет человека краснеть. Он казался бледным, и его речь, обращенная к Берти Эвертону, забавляла своей мрачной выразительностью. Она подумала: речь, вероятно, идет о кувшине, и Берти наверняка знает о нем гораздо больше, чем Генри. Интересно, известно ли ему, что Берти коллекционер. Сначала ей захотелось, чтобы он этого не знал и попал впросак из-за своего раздутого самомнения, но потом ее захлестнуло раскаяние, и она поняла, как ей будет больно, если Генри окажется в дураках. Ее ноги оторвались от тротуара; сама не зная, что делает, она толкнула стеклянную дверь магазина и вошла.

Генри стоял спиной к ней. Он не повернулся. В этот момент он как раз заканчивал пересказывать замечательный текст, который нашел в одной из книг по керамике своего крестного и тщательно заучил наизусть. Он мог привести в восторг кого угодно, кроме настоящего коллекционера, который, возможно, тоже читал эту книгу и мог заподозрить хозяина магазина в простом цитировании ее по памяти.

Когда Генри закончил пересказ очередного абзаца, Берти Эвертон произнес: «Ах, достаточно» – и сделал шаг по направлению к двери. В эту минуту Генри повернулся и увидел Хилари. Он довольно бесцеремонно выпроводил Берти. Дверь закрылась. Рыжеволосый молодой человек надел мягкую черную шляпу, украдкой взглянул на девушку, которая восхищалась великолепным набором шахматных фигур из слоновой кости, и исчез из виду.

Широкой, решительной поступью Генри приблизился с другой стороны к мозаичному столику, на котором стояли шахматные фигуры, и громким дрожащим голосом произнес:

– Привет, Хилари!

Хилари уронила белую королеву и прислонилась к высоким напольным часам, которые предательски закачались. Наступила пауза.

Люди по-разному выражают свои эмоции. Генри мрачно уставился на Хилари, и она почувствовала, что не в состоянии выдержать этот взгляд. Если он и дальше будет так на нее смотреть, она либо рассмеется, либо расплачется, а ей не хотелось делать ни того ни другого. Она желала выглядеть спокойной, невозмутимой, учтивой и отстраненно вежливой. Ей нужно было продемонстрировать такт, самообладание и умение себя вести. И вот теперь она стояла тут, прислонившись к напольным часам и роняя шахматные фигуры. Но что еще хуже, и она, и Генри оказались на виду у любого, кто спускался по Фулем-роуд в этой части улицы. На ее щеках бушевал пожар. Если Генри и дальше собирается так стоять, не говоря ни слова, ей придется действовать самой, хотя и непонятно как.

Генри нарушил тишину, спросив с мрачной учтивостью:

– Я могу что-то для тебя сделать?

Что за чушь он опять сморозил! Она взглянула на него и, сверкнув глазами, ответила:

– Не глупи, Генри. Конечно, можешь!

Генри поднял брови. Как это скучно!

– Что именно?

– Мне нужно с тобой поговорить. Но не здесь. Пойдем в кабинет.

Хилари почувствовала себя лучше. Ее колени по-прежнему дрожали, и у нее не получалось выглядеть совершенно холодной и равнодушной, но по крайней мере ей удалось сделать так, чтобы они с Генри убрались подальше от окна, где воплощали собой живую картину «Магазинный воришка задержан с поличным».

Без лишних слов они зашли за ширму и, пройдя по длинному темному коридору, оказались в квартире, которая служила конторой для старого мистера Генри Юстатиуса. Теперь, разумеется, это был кабинет капитана Генри Каннингема, и здесь стало гораздо опрятнее, чем во времена его крестного. Генри Юстатиус вел обширную переписку с коллекционерами антиквариата по всему миру. Их письма лежали на столе, стульях и полу, а его ответы, написанные мелким витиеватым почерком, часто задерживались, растворяясь в царившем вокруг беспорядке. Наверно, рано или поздно они все-таки доходили до своих адресатов благодаря помощнице Генри Юстатиуса, которая хорошо знала его почерк. Она никогда не рылась в остальных бумагах, но если ей попадался листок с витиеватыми письменами, она поднимала его и клала на край стола, где его было невозможно не заметить. Корреспонденция Генри Каннингема стала намного скромнее. Он складывал непрочитанные письма в один ящик, а прочитанные – в другой и, написав ответ, сразу же относил на почту.

Глава 12

Хилари примостилась на ручке большого, обтянутого кожей кресла. Ей очень хотелось сесть, но это поставило бы ее в неловкое положение, так как Генри оставался стоять. Он приклонился к каминной полке и молча смотрел куда-то вверх ее головы. Ужасно! Когда нужно, Генри невозможно было заставить замолчать, он только повышал голос и продолжал излагать свою точку зрения. А теперь, когда ему следовало бы хоть что-нибудь сказать, он стойко хранил молчание и смотрел куда-то вдаль. Задышавшись, она произнесла:

– Перестань!

Генри взглянул на нее, но сразу же отвел глаза. «Как будто на моем месте противный черный таракан!» – подумала про себя Хилари.

Он произнес: «Прошу прощения?» – и Хилари вскочила с кресла, забыв о трясущихся коленях.

– Генри, я не стану разговаривать с тобой в подобном тоне! Мне действительно нужно обсудить с тобой кое-что, но если ты будешь вести себя как вежливый незнакомец с вышколенными манерами, я уйду!

Генри по-прежнему избегал смотреть на нее. Чуть слышно он ответил, что не собирается выглядеть как вежливый незнакомец, но внутренний бесенок Хилари, хихикнув, пропел веселую песенку:

Генри никогда не бывает слишком учтивым,
Но когда он учтив, он выглядит страшно спесивым.

Однако тут он вновь спросил, чем он может ей помочь, и она почувствовала, как на глазах закипают слезы. Неожиданно для себя она выпалила:

– Ничем. Я уйду.

Но Генри первым оказался у двери. Он закрыл выход спиной и сказал:

– Ты не можешь уйти.

– Я не хочу уходить, я хочу поговорить. Но я не смогу, если ты не начнешь вести себя разумно.

– Я готов, – ответил Генри.

– Тогда иди сюда и садись рядом. Мне действительно нужно сказать тебе кое-что, но у меня вряд ли это получится, если ты будешь находиться на одиннадцать футов выше меня.

Он опустился во второе кожаное кресло. Они находились так близко друг к другу, что, если бы она сидела в кресле, а не на ручке, их колени соприкоснулись бы. Теперь у нее оказалось незначительное преимущество, так как со своего места она смотрела на него сверху вниз, а он был вынужден задирать голову. Ее полностью устраивало такое положение, но она сомневалась, что это надолго. Даже сейчас Генри не смотрел на нее. А если он не притворяется, если действительно больше не хочет ее видеть... Эта мысль удручала ее.

Внезапно она пожалела, что пришла. И в эту минуту Генри спросил довольно резко:

– Что-нибудь случилось?

Хилари захлестнула волна нежности. Генри вел себя так, когда его что-то беспокоило, а если он действительно за нее тревожится, значит, все будет в порядке.

Кивнув, она ответила:

– Об этом я и хотела поговорить. Кое-что произошло, но я не могу рассказать об этом Мэрион, это огорчит ее. Мне необходимо поговорить с кем-нибудь, так как это очень, очень, очень важно. Я подумала, что мы... мы... ну, мы же были друзьями. И я решила поговорить с тобой, ты посоветуешь, как быть дальше.

Вот оно! Генри должно это понравиться, его приводили в восторг мягкость и женственность. По крайней мере так он утверждал на словах, но на деле ему могло это быстро наскучить.

Генри был бы не прочь жениться на тихоне,
Если б жену он мог менять в каждом сезоне.

Генри немного оживился.

– Расскажи мне обо всем. Чем ты занималась?

– Ничем. – Хилари грустно покачала головой. – Я совершенно случайно ошиблась поездом, но в этом не было моей вины. Я... я увидела одного человека, который... который напугал меня, поэтому по ошибке села в поезд до Ледлингтона и только потом поняла это.

– Кто-то напугал тебя? Как?

– Разглядывая меня. Молодая чувствительная девушка теряет сознание, когда на нее начинают смотреть в общественном месте.

Во взгляде Генри появилось подозрение.

– О чем ты?

– О тебе, – ответила Хилари, запнувшись и едва удержавшись от того, чтобы добавить «дорогой». – Ты понятия не имеешь, как смотрел на меня. По крайней мере я на это надеюсь, так как будет гораздо хуже, если ты сделал это специально. Но я совершенно растерялась, а когда пришла в себя, поняла, что сижу в пустом вагоне поезда на Ледлингтон вместе с миссис Мерсер, которая в истерическом припадке стала хватать меня за юбку и рассказывать странные вещи. Только я не узнала ее, иначе заставила бы признаться во всем, что ей известно.

– Миссис Мерсер? – спросил Генри. Голос его звучал по-настоящему странно.

Хилари кивнула.

– Альфред Мерсер и миссис Мерсер. Ты, наверно, не помнишь, ты ведь уехал в Египет до окончания суда, суда над Джеффом, дело Эвертона. Мерсеры – супружеская чета, служившая у Эвертона. Они были главными свидетелями обвинения. Из-за показаний миссис Мерсер Джеффа чуть не повесили. А в поезде она узнала меня, начала плакать и говорить невероятные вещи.

– Какие вещи, Хилари? – Генри уже не выглядел таким надутым и обиженным. В его голосе сквозило любопытство, а в словах чувствовалось нетерпение.

– Речь шла о Мэрион и суде. Миссис Мерсер все время задыхалась и плакала, пытаясь рассказать мне удивительную историю о том, как она хотела встретиться с Мэрион во время судебного процесса. Она говорила, что приходила к ней домой, чтобы увидеться. Буквально: «Мисс, если во всем, что я раньше говорила, не было ни слова правды, то теперь я не лгу. Я хотела с ней встретиться». И она призналась, что сбежала от мужа. А потом добавила зловещим шепотом нечто вроде: «Если бы она только встретила со мной». Но они не встретились, так как Мэрион отдыхала. Бедняжка Мэрион тогда была совершенно измучена, и к ней никого не пускали, но миссис Мерсер ужасно расстроилась из-за этого. А потом вернулся ее муж, и такого случая больше не представилось. Она сказала, что муж об этом позаботился.

Генри впервые смотрел ей прямо в глаза.

– Это на самом деле была миссис Мерсер?

– О да. Мэрион показала мне фотографию, и я сразу же узнала ее. Это определенно была миссис Мерсер.

– Как она выглядела?

– Ты хочешь, чтобы я тебе описала ее?

– Нет-нет. Я хочу знать, какой она тебе показалась. Ты сказала, у нее была истерика. Она отдавала отчет в своих словах?

– О да, я думаю. Да, я уверена, полностью отдавала. Когда я упомянула об истерике, я не имела в виду, что она кричала на весь вагон. Но она была очень сильно расстроена, понимаешь? Плакала, задыхалась и все время дрожала. Она несколько раз пыталась собраться и взять себя в руки, но потом все начиналось заново.

– Она располагает какой-то информацией, – медленно произнес Генри, а затем выразительно добавил: – Ты же не думаешь, что она не в своем уме, не так ли?

– Нет-нет, не думаю. Уже не думаю. Я сомневалась вначале из-за того, как она подседа ко мне, заливаясь слезами, и стала твердить, что узнала меня и нечто вроде «Слава богу, он не узнал вас» и «Он ни за что бы не ушел, если бы узнал вас».

– Он?

– Мерсер. Он вышел в коридор. Я... я смотрела в окно, а когда повернулась, увидела, как мужчина встал и вышел из купе. Я приходила в себя, понимаешь, после твоего взгляда на платформе и не замечала, что происходит в купе. А когда взяла себя в руки и обернулась, увидела, как в коридор выходит мужчина, а женщина пристально меня разглядывает. Пару минут мне казалось, что она сумасшедшая.

– Почему?

– Почему я решила так вначале или почему передумала потом?

– И то и другое.

– Ну, сначала я решила, что она не в себе, так как, разглядывая меня, она повторяла: «Слава богу». Любой бы так решил. Но потом поняла: она действительно меня знает, поскольку видела нас с Мэрион в суде. Она была взволнована и возбуждена из-за того, что переживала за Мэрион и не могла забыть об этой истории. Вот тогда я и убедилась, что она не сумасшедшая. Такие люди быстро теряют самообладание, если кто-то из близких попадает в беду. Именно так я и предположила. Но когда узнала, кто она на самом деле, я стала вспоминать все те странности, о которых она говорила, и заинтересовалась.

– Тебе стало интересно, в уме она или нет?

– Нет, мне стало интересно, что она скрывает.

Генри подался вперед, положив локти на колени и опершись подбородком на ладони.

– Но ведь ты сама сказала: ее показания чуть было не отправили Джеффа на виселицу.

– Это так. Ты знаешь, она была наверху и разбирала постель мистера Эвертона. Она поклялась, что, спустившись вниз, услышала голоса в кабинете и подумала, будто там происходит ссора. Она испугалась и подошла ближе к двери, чтобы послушать. Узнав голос Джеффри, она успокоилась, но когда собралась уходить, прогремел выстрел, она закричала, и из буфетной прибежал Мерсер, который чистил там серебро. Дверь кабинета оказалась заперта изнутри, и на их стук открыл Джефф с пистолетом в руке. Это отвратительная история, Генри.

– А что говорит Грей?

– Дядя позвонил ему в восемь и попросил немедленно приехать к нему. Он был очень расстроен. Джефф поехал и должен был оказаться на месте между четвертью и двадцатью минутами девятого. По его словам, когда он вошел в кабинет через открытую стеклянную дверь, дядя лежал на письменном столе, а пистолет валялся на полу напротив окна. Он поднял его, а потом услышал крик в гостиной и стук в дверь. Он понял, что дверь заперта, и открыл ее, чтобы впустить Мерсеров. На ручке двери и на пистолете остались только его отпечатки пальцев.

– Я помню, – ответил Генри, а затем задал вопрос, от которого воздерживался на протяжении всех шести месяцев их помолвки: – Это вполне убедительное доказательство. Что заставляет тебя думать, будто он не совершал этого убийства?

Хилари вспыхнула. Она всплеснула руками и отчаянно произнесла:

– Он не убивал, не убивал! Он просто не смог бы! Понимаешь, я знаю Джеффа.

Генри почувствовал, как внутри что-то откликнулось на такое проявление непоколебимой веры. Словно затрубили трубы и барабаны стали выбивать военный марш. Это чувство горячило кровь и укрепляло дух. Но Хилари не должна испытать удовлетворение от того, что ей удалось задеть его за живое. Он слегка нахмурил брови и спросил:

– А Мэрион разделяет твою уверенность?

Краска сошла с лица Хилари так же быстро, как и появилась. Она сомневается, бедняжка Мэрион уже ни в чем не уверена. Она слишком устала от боли, чтобы продолжать верить. Ледяной ужас, порожденный зловещими мыслями, заставил ее предать свою веру.

Хилари отвела взгляд и мужественно повторила:

– Джефф этого не делал.

– Тогда кто?

– Миссис Мерсер знает, – ответила Хилари. Собственные слова испугали ее и привели в дрожь. Она не собиралась говорить этого. Она даже не подозревала, что так думает.

– Почему ты так считаешь? – быстро спросил Генри.

– Не знаю.

– Должна знать. Нельзя утверждать подобные вещи, не имея доказательств.

Генри был совершенно прав. Его слова мгновенно отрезвили Хилари. Но станет Генри ей мужем или нет, в любом случае она не позволит ему пренебрегать ее соображениями. Она вздернула подбородок и произнесла:

– Можно. Не знаю, почему я это сказала, просто вырвалось случайно. Я не успела подумать, перед тем как произнести: «Миссис Мерсер это знает». Я просто сказала и только потом поняла: она действительно знает. Так уж у меня работает голова: вещи, о которых вовсе не думаешь, вылетают сами собой, а потом, размышляя о них, понимаешь, что это правда.

Генри растерялся. Она выглядела так забавно, рассуждая обо всем этом. Ее щеки вновь покрывал румянец, глаза светились, а маленькие русые кудряшки выбивались из-под замысловатой шляпки. Ему захотелось обнять и поцеловать ее, но вместо этого он рассмеялся.

– Не вижу причины для смеха! – Однако в душе она тоже рассмеялась от радости, потому что если двое начинают смеяться, то уж точно не поссорятся. Это ведь невозможно. А ей до чертиков надоело ругаться с Генри.

– Глупышка! – воскликнул Генри, мгновенно утратив былую чопорность.

Хилари кивнула и закусила верхнюю губу, так как не хотела, чтобы Генри увидел, что она тоже смеется. Еще не время.

– Ты говоришь это, поскольку сам так не можешь. Отвратительная черта, я тебе уже об этом говорила. И если ты когда-нибудь женишься, Генри, тебе придется измениться, иначе твоя жена либо сбежит от тебя, либо превратится в неудачницу из-за того, что ты в конце концов сломишь ее дух, взрастив в ней огромный комплекс неполноценности.

Во взгляде Генри появилось нечто тревожащее. Генри умел смеяться глазами, заставляя твое сердце биться чаще и напряженнее.

– Никогда этого не замечал, – ответил он.

– Что ж, рада открыть тебе истину, – парировала Хилари, с решимостью встретив его взгляд.

Генри промолчал. Он не хотел оказаться неправильно понятым. Он продолжал смотреть на нее, и, запаниковав, Хилари решила вернуться к разговору о миссис Мерсер.

– Разве не видишь, Генри: если взять под сомнение показания миссис Мерсер – а я им не верю, – тогда очевидно, что ей известно, кто это сделал. Она бы не стала лгать ради собственного удовольствия. Кроме того, это не доставило ей никакой радости. Она выглядела крайне, крайне несчастной. И она не стала бы так поступать, чтобы уничтожить Джеффа, так как сильно беспокоилась о нем и Мэрион. Поэтому если она лгала – а я уверена: так оно и

есть, – то наверняка для того, чтобы обезопасить другого человека. Мы должны выяснить, кого именно. Мы просто обязаны.

Глава 13

Генри стал серьезным и нахмурился. Его гнев был направлен не на Хилари, а на Мерсеров, дело Эвертона и необходимость искать иголку в стоге сена. Только Хилари могла предложить ему игру под названием «Охота на убийцу», но, по его глубокому убеждению, убийца уже схвачен и сейчас расплачивался за то, что в порыве ярости застрелил своего дядю, исключившего его из завещания. Он всегда считал и продолжал утверждать, что Джефффри Грей легко отделался – ему сильно повезло, что его не вздернули.

Полк Генри находился в Египте, и после приятного отпуска в Тироле он вернулся обратно в Каир. Джеймс Эвертон был убит за пару дней до окончания его отпуска. В тот момент он старался убедить Хилари по-иному взглянуть на их помолвку. В конце концов, мнения разделились: Генри хотел, чтобы они обручились, а Хилари относилась к помолвке как к предрассудку. Известия о деле Эвертона приходили и в Египет. Хилари постоянно писала пылкие письма в защиту Джеффа, но Генри решил не вдаваться в подробности расследования. Он знал о приговоре, ему было жаль Мэрион Грей, и он считал дни до своего возвращения и женитьбы на Хилари. И вот теперь она сидела перед ним, не желая даже слушать о замужестве и собираясь предпринять дикую, бессмысленную попытку начать новое расследование по делу Эвертона. Он мрачно взглянул на Хилари и со свойственным ему упрямством категорично произнес:

– Лучше будет оставить все как есть. Дело закрыто.

Хилари снова всплеснула руками.

– Нет, не лучше. Совсем не лучше! Дело не будет закрыто до тех пор, пока не найдут настоящего убийцу и Джефф не выйдет на свободу. Чем больше я думаю об этом, тем тверже мое убеждение в том, что миссис Мерсер известно имя убийцы. Генри, у меня предчувствие!

При слове «предчувствие» Генри снова нахмурился.

– Какой толк в этих разговорах? Ты сама призналась, что в первый момент встречи с этой женщиной подумала о ее сумасшествии. Я не утверждаю, что она действительно безумна, но совершенно очевидно: это больной, склонный к истерии человек. Если она хорошо относилась к супругам Грей, ей тяжело осознавать свою вину – ведь это она дала показания против Джефффри. Из твоего рассказа для меня ясно только одно: она собиралась ворваться к Мэрион и устроить ей сцену.

– Нет, – возразила Хилари, – нет, это не так. Ее словно что-то грызет изнутри. Я в этом уверена. Почему она сказала: «Если бы она только встретила со мной»?

– Почему истеричные люди говорят странные вещи?

– А почему она сказала нечто вроде: «У меня больше не было такой возможности, он об этом позаботился»? И несколько слов о том, что он, слава богу, не узнал меня, иначе ни за что не оставил бы нас наедине. Почему она так говорила?

Генри пожал плечами.

– Если у тебя сумасшедшая жена, ты будешь изо всех сил стараться, чтобы она не беспокоила людей. По-моему, это понятно. Думаю, у нее на самом деле душевное расстройство.

– Ни за что не вышла бы замуж за Мерсера, – сказала Хилари.

Генри расхохотался:

– Ничуть в этом не сомневаюсь!

Рискуя приобрести косоглазие, Хилари бросила на него взгляд, которому долго и упорно училась. Она скопировала его у известной кинозвезды и теперь хотела знать, какое впечатление он произведет на Генри. Но он, похоже, даже не заметил ее стараний. Ее бесенок решил отомстить, позволив себе еще одну остроумную тираду:

Когда на Генри ты глядишь как будто бы с картинки,

Совсем не замечает он усилий и ужимки.

Он пропел это едва слышным шепотом прямо в ухо Хилари. Искра гнева грозила превратиться в пожар. Генри просто чудовище, настоящее чудовище. Мужчины в фильме падали к ногам главной героини. Нет никакого проку и дальше строить Генри глазки. Даже если он окажется последним оставшимся в Лондоне мужчиной, она ни за что не выйдет за него. Уж лучше быть замужем за Мерсером. Хотя нет, ничуть не лучше. По спине побежали мурашки, и она поспешно пояснила:

– Ты понимаешь, что я хотела сказать? Думаю, такой человек, как он, любого способен довести до сумасшедшего дома.

– Значит, ты согласна с тем, что она больна?

– Нет, несогласна. И чем больше Мерсер пытается меня в этом убедить, все время твердя о безумии своей жены, тем меньше я ему верю.

Генри поднялся.

– О чем ты?

– О Мерсере. Генри, его зовут Альфред. Разве это не ужасно?

– Хилари, он тебя преследовал?

Она кивнула:

– Да, дорогой, я же тебе сказала, и довольно долго. Думаю, он шел за мной от Солуэй-Лодж до Пинмэнс-лейн, где я села в автобус. Он говорил почти всю дорогу и постоянно твердил, что миссис Мерсер не в своем уме. Когда он произнес это в шестой раз, меня стало мучить любопытство, зачем он это делает.

Генри сел на ручку кресла позади нее. Мир за пределами комнаты перестал для них существовать.

– Возможно потому, что это правда, – ответил он.

– Или же потому, что это ложь.

Их плечи соприкасались. Она обернулась, сердито сверкнув глазами и приготовившись к жаркому спору, но Генри не собирался ругаться. Он обнял ее в такой же непринужденной манере, как это было во времена их помолвки, и произнес:

– Странно.

– Что именно?

– То, что он следил за тобой.

Хилари кивнула. Рука Генри пришлась очень кстати: на нее было удобно опереться.

– Он узнал, что это я ехала в поезде. Уверена, он угрозами заставил эту бедняжку рассказать ему. Он, вероятно, хотел узнать, не сообщила ли она мне какую-нибудь информацию, и попытался убедить меня, что в любом случае ей нельзя верить. А если бы ему действительно удалось заставить меня поверить в ее болезнь, Генри, разве ты не понимаешь?

Рука Генри пододвинулась чуть ближе.

– Не знаю, может, она и вправду сошла с ума, – ответил он. – Но это странно. Он следил за тобой сегодня?

– Да, сегодня. Как раз перед тем, как я пришла сюда. Почему ты спрашиваешь, Генри?

– Странно, он убеждал тебя в этом как раз в то самое время, когда Берти Эвертон пытался то же самое внушить мне.

Хилари подскочила так внезапно, что упала бы, если бы Генри не подхватил ее.

– Осторожно! Держись!

– Берти Эвертон! – воскликнула Хилари, не замечая, что находится в его руках.

– Именно он. Он уходил, когда ты вошла. Разве ты его не заметила?

– Разумеется, заметила. Он из тех, кто сразу бросается в глаза. И он сказал тебе, что миссис Мерсер сошла с ума?

– Несколько раз. Так же, как Мерсер говорил тебе.

– Генри, надеюсь ты не придумал это, чтобы подурочить меня или что-то в этом роде?

Если это так...

– То что? – спросил Генри заинтересованно.

Хилари наморщила носик.

– Не знаю, но думаю, тогда мы опять перестанем разговаривать.

– Зато у тебя появится масса времени, чтобы обдумать, как ты поступишь дальше. Ладно, сегодня я не собираюсь ругаться. И я не вожу тебя за нос.

– Берти Эвертон приходил сюда, чтобы сообщить тебе о болезни миссис Мерсер?

– Ну, не так очевидно. Это было бы слишком невоспитанно. Он знал покойного Генри Юстатууса и покупал у него гарнитур из стульев в стиле чиппендейл, а сейчас вышивает для них чехлы – стежком *petit point*² или чем-то в этом духе. Боюсь, он догадался, что я имею весьма слабое представление о том, что такое петит-пойнт. Я попытался увлечь его беседой о китайском фарфоре – в последнее время я все ночи напролет читаю о китайском фарфоре, – и он несколько раз повторил «да, да» и «я все понял». А потом вспомнил о тебе и спросил, по-прежнему ли мы с тобой друзья. Я ответил «да», хотя это и неправда.

Тут Генри замолчал. По-видимому, он надеялся, что Хилари расплачется, возразит ему или кинется в объятия.

Но Хилари оставалась невозмутимой, хотя щеки рдели от румянца. Она высунула язычок и быстро убрала его обратно.

Генри нахмурился и продолжил, будто этой паузы и не было:

– А потом он вспомнил Мэрион и начал пространно рассуждать на эту тему. Сказал, как это было ужасно для всей семьи, упомянул о характере Джеффри и о том, что все его любили. И вот здесь он заговорил о миссис Мерсер. Буквально: «Экономка дяди так и не оправилась после того, как ей пришлось давать показания против него. Думаю, она тронулась умом». И сразу же перевел разговор на большой синий кувшин, который продается в магазине. Но затем опять вернулся к миссис Мерсер, сказав, как ему жаль, что она страдает из-за дела Эвертона. «Только об этом думает и говорит, – произнес он. – Нелегко же приходится ее мужу со всем этим». Потом еще пару слов о том, какой достойный человек этот Мерсер, и еще пару слов о синем кувшине. Но здесь вошла ты, и он удалился. Вот так.

– Н-да, – произнесла Хилари.

Она начала легонько покачиваться взад и вперед. Ей бы хотелось, чтобы и Генри покачивался вместе с ней, но это было не в его стиле. У него оказалась такая гибкая рука, но, к счастью, на нее можно опереться. Она перестала покачиваться и начала всерьез размышлять о поведении Берти Эвертона.

– Он прекрасно подошел бы на роль убийцы, если бы не его алиби. Дорогой, скажи, что ты ненавидишь алиби. Я их ненавижу.

– О ком ты говоришь?

– О Берти Эвертоне, разумеется.

– У него есть алиби.

– И не одно, – ответила Хилари. – У него их целый десяток на выбор. Понимаешь, Генри, они оказались ему нужны, поскольку бедный старина Джеймс перед смертью изменил завещание в его пользу. И это после того, как они несколько лет почти не разговаривали. Поэтому у Берти был серьезный мотив. Но при любом мотиве нельзя застрелить человека, если он находится в Патни, а ты – в Эдинбурге.

– А Берти был в Эдинбурге?

Хилари удрученно кивнула.

² Петит-пойнт, или гобеленовый стежок. Одна из разновидностей вышивки.

– Его видело множество людей в гостинице «Шотландия». Джеймс был убит в восемь вечера 16 июля. Берти обедал с ним вечером 15 июля – за двадцать четыре часа до того, как он мог бы стать убийцей. После обеда он сел в поезд на Кингс-Кросс и прибыл в гостиницу «Шотландия» как раз к позднему завтраку утром 16 июля. С этого момента до половины пятого он все время находился на глазах у многих людей. Пожаловался на звонок в комнате, потом горничная видела, как он писал письма, а вскоре после четырех осведомлялся у администратора, не было ли ему телефонных звонков. А затем отправился на прогулку и, кажется, слишком много выпил. Горничная снова видела его где-то в половине девятого, он просил ее принести печенье. А потом она зашла к нему на следующее утро в девять часов, чтобы оставить чай. Если у тебя есть какие-нибудь предположения о том, как он мог застрелить беднягу Джеймса, с удовольствием тебя выслушаю. Я всю прошлую ночь перечитывала материалы дознания и судебного процесса, но не вижу никого, кто мог бы совершить это преступление, кроме Джеффа. А сегодня я разыскала приходящую работницу, которая раньше помогала в Солуэй-Лодж, и она сообщила то, что лишило меня последней надежды. И все же я не верю в виновность Джеффа. Генри, я не верю, не верю, не верю!

– Что она тебе рассказала? – поспешно спросил Генри.

– Не могу сказать, не могу. Я заставила ее раскрыть мне эту тайну, но я не могу говорить об этом тебе.

– Хилари, – решительно произнес Генри, – ты должна бросить эту затею! Ты только мутишь воду, и Мэрион вряд ли скажет тебе за это спасибо. Зачем ты это делаешь?

Она отстранилась от него и поднялась с кресла.

– Я хочу выяснить, что известно миссис Мерсер.

– Брось это! – ответил Генри, тоже встав. – Пусть все успокоится. Ты не сможешь Джеффу и Мэрион. Оставь все как есть!

– Не могу, – ответила Хилари.

Глава 14

Хилари покинула антикварный магазин Генри Юстатууса с пунцовыми щеками и твердой решимостью не позволить Генри Каннингему одержать над ней верх. Если она хоть раз даст этому случиться, ее дух будет сломлен и она быстро превратится в забитое существо. Такое же, как миссис Мерсер. Или как миссис Эшли. Ужасная и отвратительная перспектива. Возможно, они тоже когда-то были молодыми и хорошенькими девушками – приходящая работница Эшли наверняка, – а потом какие-то мужчины подавили их волю, втоптали в грязь, и они стали покорными рабынями. Мистер Мерсер способен сломить дух любой женщины, если она настолько глупа, чтобы позволить ему сделать это. А у другой бедняжки тоже, видимо, был муж, который с ней не считался. Вот в чем состоит проблема Генри – он родился тираном и продолжает им оставаться. Если ему нужен бессловесный коврик перед дверью, он спокойно может жениться на таком коврике, но это не будет Хилари Кэрю.

Она прошла около четверти мили, прежде чем к ней вернулось спокойствие. Она перестала сердиться и очень пожалела, что они с Генри не успели поесть до того, как поссорились. Для Генри самым важным приемом пищи был завтрак. Наверное, он позавтракал яйцами, сосисками и беконом не позже девяти, а Хилари съела только бутерброд и выпила чай в восемь утра. Это случилось так давно, что она совсем забыла о еде. Прогулки по Патни, разговоры с экономками и приходящими работницами и ссора с Генри пробудили немалый аппетит, особенно ссора с Генри. Если бы Генри не собирался ссориться, он бы сразу пригласил ее на ленч, а теперь ей придется довольствоваться булочкой с молоком в молочном магазине вместе с другими женщинами, пришедшими перекусить булочками с молоком, бутербродами с пастой «Боврил», кофе с молоком или чашечкой чая. Невыносимо грустно об этом думать, так как одна булочка вряд ли утолит ее голод, но она не могла позволить себе более дорогую еду. Ужасно глупо со стороны Генри не угостить ее ленчем. Раз уж ему оказалось невтерпеж поругаться, было бы гораздо лучше сделать это за кофе, а не в кабинете магазина. Мало того что она осталась без ленча, теперь еще придется обходиться булочкой. Все это ужасно жестоко, горько и невыносимо. И вина за это полностью лежала на Генри.

Хилари нашла молочный магазин и съела булочку, необычайно черствую булочку. Крошечные черные шарики, когда-то называвшиеся изюмом, давно превратились в окаменелости. Плохая булочка. Бесенок Хилари затянул печальную песенку:

Как грустно голодному человеку
Есть булку, которой не меньше полвека.

Покончив с ленчем, она достала кошелек и пересчитала деньги. Оставшейся суммы оказалось достаточно, чтобы купить билет третьего класса до Ледлингтона. Глядя на монеты, она засомневалась, а нужно ли ей туда ехать. Не было никаких оснований считать, что поездка окажется удачной. Она кивнула. Всегда можно найти немало причин отказаться от своей цели, но если мы не будем двигаться вперед, преодолевая собственные сомнения, у нас никогда ничего не получится. Она не знала, что доктор Джонсон уже рассуждал на эту тему в Босуэлле и назвал внутреннюю движущую силу давлением необходимости. Существует немало насущных потребностей, и для каждой из них можно найти свой стимул, который невозможно отрицать. Для Хилари таким стимулом оказалось желание узнать, что скрывала миссис Мерсер. Ни о чем другом она не хотела думать. А если бы стала размышлять, здравый смысл подсказал бы ей, что Ледлингтон находится далеко и у нее нет ни малейшего представления о том, как найти Мерсеров. Она даже не знает, с чего начинать поиск. Но все это блекло перед безрассудной

решимостью добиться своей цели. Она купит билет в третий класс, отправится в Ледлингтон и найдет миссис Мерсер.

Ленч у Генри оказался намного приятнее, чем у Хилари. Он испытывал мрачное удовлетворение при мысли, что сумел настоять на своем. Если он хоть раз предоставит Хилари возможность поступать, как ей вздумается, не обращая внимание на его мнение и советы, их семейная жизнь превратится в настоящий кошмар. Хилари всегда хотелось все делать по-своему, так как она не сомневалась в правильности своих решений. Она не прислушивалась к голосу разума и к его, Генри, словам, а сразу же, закусив удила, начинала действовать. Жаль, поскольку – здесь Генри немного замялся – это ведь... что ж... это ведь Хилари, которую он любит больше всего на свете, несмотря на ее упрямство и глупости. Даже когда она вела себя совершенно несносно, в ней было нечто такое, что отличало ее от остальных людей. Вот почему он не мог позволить себе сдаться. Если бы он уступил, она одурачила бы его, обвела вокруг пальца. При мысли об этом его взгляд становился непреклонным, а в голосе начинали звенеть стальные нотки. Но за всей этой броней скрывался настоящий Генри, которого приводила в ужас мысль, что Хилари навсегда исчезнет из его мира и из его жизни. Как она могла оставить его, ведь он принадлежит ей, а она ему? Они были суждены друг другу и должны оставаться вместе.

Генри нахмурился, разглядывая отбивную и размышляя о дальнейших действиях. Хилари непременно вернется. Сейчас он позволил ей уйти, так как был уверен в ее возвращении. Все упирается в это проклятое дело Эвертона. Его закрыли год назад, и вот пожалуйста, оно опять всплыло на поверхность, превратившись в источник множества проблем. А если Хилари будет и дальше мутить воду, проблем окажется еще больше. Он стал еще мрачнее. Этот негодяй Мерсер следил за ней на улице. В этом есть что-то подозрительное; все подозрительно в этих Мерсерах. Хотя он скорее умер бы, чем признался Хилари, что верит всему этому вздору.

Доедая отбивную и продолжая хмуриться, он принялся размышлять, что неплохо было бы привлечь какого-нибудь специалиста к выяснению обстоятельств жизни Мерсеров. Этот человек мог бы узнать, где они живут и чем занимаются со дня гибели Джеймса Эвертона. Или попытаться исследовать их финансовое состояние. Есть ли основания предполагать, что они извлекли выгоду из смерти Джеймса Эвертона? Ему казалось, они получили небольшое наследство, которое вряд ли можно считать крупной финансовой поддержкой, но если их материальное состояние с тех пор упрочилось, было бы нелишним в этом разобраться. Кроме того, специалист мог был покопаться в прошлом Мерсеров. Наверняка это уже сделали во время дознания, но поскольку все считали Джеффри Грея заведомо виновным, едва ли справки наводились со всей тщательностью. Он окончательно решил: здесь явно требуется помощь специалиста.

Вернувшись в магазин, он позвонил Чарлзу Морею, который приходился ему очень дальним родственником и хорошим другом.

– Привет, Чарлз! Это Генри.

– Какой Генри? – спросил Чарлз с улыбкой в голосе. Его было слышно так хорошо, будто он находился в соседней комнате.

– Каннингем, – ответил Генри.

– Привет, привет, привет! Как идут дела в антикварном магазине?

Генри нетерпеливо нахмурился.

– Я звоню тебе по другому вопросу. Я хочу спросить: недавно ты говорил...

– Давай облегчи наконец душу! – воскликнул Чарлз.

– Ну, несколько дней назад ты упоминал о детективе...

Чарлз удивленно присвистнул.

– Тебя кто-то надул?

– Это не для меня, а для одного знакомого. Мне нужно провести расследование, и я должен быть уверен в профессионализме этого человека. Я не хочу, чтобы он терял время попусту, считая ворон.

– Наша мисс Сильвер сделает все, что нужно, – ответил Чарлз Морей.

– Женщина? Ну не знаю...

– Сначала поговори с ней. Или лучше подожди, пока она во всем разберется. Уж будь уверен, она это сделает. Она помогла мне выпутаться из очень сложной ситуации в моей жизни, и это случилось не в дебрях Южной Америки, а здесь, в Лондоне. Если у тебя конфиденциальное дело, можешь ей всецело доверять. Ее адрес... Подожди секунду у трубки и возьми карандаш... Да, вот же он. Монтегю-Мэншнс, 16, Уэст-Лиам-стрит, на северо-западе Лондона. Номер телефона?.. Нет, у меня нет, только старый номер. Ты можешь найти его в телефонном справочнике – Мод Сильвер. У тебя есть справочник?

– Да, большое спасибо.

– Заходи к нам, – любезно пригласил Чарлз. – Маргарет приглашает тебя на обед. В будущий понедельник или среду?

Генри пообещал прийти в понедельник и повесил трубку. Потом он направился в Британский музей и провел там два часа, изучая дело Эвертона. Он прочитал все материалы дознания и судебного процесса и заключил, что Джеффри Грей, должно быть, родился в рубашке, если ему повезло избежать виселицы. По прочтении дело выглядело проще некуда. Все стало ясно как белый день. У Джеймса Эвертона было три племянника. Он любил Джеффри Грея. И терпеть не мог Берти Эвертона. А Фрэнк Эвертон давно жил далеко от дома, получая регулярное пособие. Все предназначалось Джеффри: место в дядюшкином предприятии, дядюшкином доме и дядюшкином завещании. Но вдруг появляется Берти и рассказывает невероятную историю. Он обедает с дядей, после чего Джеймс Эвертон в невероятной спешке лишает Джеффри наследства и завещает все Берти. Между прочим, он и Фрэнку отказывает в содержании, но, возможно, эти две вещи между собой не связаны. Изменение завещания становится ключевым событием, на котором основано обвинение. Джеффри совершает какую-то оплошность, а Берти оказывается рядом как нельзя кстати. Дядя Джеймс изменяет завещание, зовет Джеффри, чтобы сообщить ему о своем решении, а Джеффри убивает его вследствие приступа ярости. Никто так и не смог объяснить, в чем состояла оплошность Джеффри. Возможно, его проступок был настолько серьезным, что он просто не мог позволить этому выйти наружу. Не исключено, дядя угрожал ему разоблачением. Скорее всего, Джеффри был уверен: Берти не выдаст его, он даже мог не догадываться, что Берти обо всем известно. Он теряет голову, звучит выстрел, и Берти получает причитающееся ему наследство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.